ADAM WALKER

ЧУЖОЙ УРОВЕНЬ

ПРАВО НА ИМЯ

ТОМ I

Adam Walker

Чужой уровень. Том 1. Право на имя

«Автор»
2026

Walker A.

Чужой уровень. Том 1. Право на имя / A. Walker — «Автор», 2026

Инженер Антон Белов спускается в служебную шахту на стройке, а приходит в себя под обрушившейся старой прачечной. На улице всё тот же Петербург: дождь, трамваи, знакомые названия. Только трамваи ходят без проводов, под городом водятся твари, а перед глазами всплывает предложение восстановить профиль. По документам Антон провёл здесь двенадцать дней. Сам он не помнит ни одного.Вера Ланская помогает Антону разобраться в правилах города, где магию измеряют приборами, а за право работать под землёй приходится отвечать подписью. Но чем ближе он к разгадке обвала, тем чаще память подсказывает ему то, чего он не мог знать. Антону предстоит выяснить, почему чужой опыт отзывается в его собственных руках и кому выгодно, чтобы он доверился ему без проверки.

© Walker A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Глава 1. Балка 7
Глава 2. Двенадцать суток 13
Глава 3. Собственный почерк 20
Глава 4. Человек по документам 28
Глава 5. Что она знает 34
Глава 6. Временный специалист 40
Глава 7. Короткая тяга 48
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Adam Walker
Чужой уровень. Том 1. Право на имя

Adam Walker
Чужой уровень
Том 1

Право на имя

Содержание

Глава 1. Балка
Глава 2. Двенадцать суток
Глава 3. Собственный почерк
Глава 4. Человек по документам
Глава 5. Что она знает
Глава 6. Временный специалист
Глава 7. Короткая тяга
Глава 8. Чужие руки
Глава 9. Цена допуска
Глава 10. Комната над мастерской
Глава 11. Две опоры
Глава 12. Номер партии
Глава 13. Рука на рычаге
Глава 14. Оставаться
Глава 15. Девятое отделение
Глава 16. Ошибка расчёта
Глава 17. Керамическое кольцо
Глава 18. Подпись эксперта
Глава 19. Дверь изнутри
Глава 20. Сколько стоит город
Глава 21. Запасной носитель
Глава 22. Свой контур
Глава 23. Часы без сети
Глава 24. Обратная сторона памяти
Глава 25. Ручное отключение
Глава 26. Живые люди
Глава 27. Разделить нагрузку
Глава 28. Перед водой
Глава 29. Глубокий створ
Глава 30. Право на имя
Глава 31. Показания
Глава 32. Утро на своей стороне

Глава 1. Балка

— Трубу не трогай. Раздавит.

Я отдёрнул руку.

В нескольких шагах от меня лежал мужчина. Над его грудью прогнулась зелёная труба, а на неё упал конец стальной балки. Пока труба держала вес. Убери её — и балка прижмёт человека к полу.

Я стоял на коленях в воде. Вокруг был тёмный кирпичный коридор, заваленный обломками. Голова гудела, во рту чувствовался вкус пыли.

Как я здесь оказался?

Ещё минуту назад я спускался в служебную шахту на строительном объекте. Напарник остался наверху, придерживал кабель моего фонаря. Мы говорили про дождь. Потом свет упёрся в стену на месте прохода.

Дальше я ничего не помнил.

— Слышишь меня? — спросил мужчина.

Я кивнул и подполз к нему.

Возле его плеча лежал включённый фонарь. Свет падал на серое от боли лицо. Мужчина дышал часто и неглубоко. Левую ногу придавил кусок кирпичной кладки.

Я потянулся к своему налобному фонарю, но нащупал только мокрые волосы. Тогда взял тот, что лежал рядом.

— Где мы?

— Под старой прачечной. Ты лучше посмотри, как меня вытащить.

Вода доходила до запястий и была тёплой. Я подумал о прорванной трубе отопления. Если это она, коридор может быстро затопить.

Попытался встать, но перед глазами потемнело. Пришлось опереться о стену.

— Голова кружится? — спросил мужчина.

— Да.

Он поднял руку.

— Сколько пальцев?

— Три.

— Уже хорошо. Теперь без резких движений.

Я поставил фонарь так, чтобы свет попадал на балку, и присел рядом.

С такими конструкциями я работал. По крайней мере, понимал, что вижу: один конец балки ещё держался в стене, второй сорвался вниз. Нужно подпереть упавший конец, а потом убрать трубу с груди мужчины.

Когда я опёрся правой рукой о пол, ладонь кольнуло. Между большим и указательным пальцами чернели швы. Рана уже заживала.

Я застыл. Утром ничего этого не было.

— Что там? — спросил мужчина.

— Ничего. Есть домкрат?

Он посмотрел мне за спину.

— В ящике. Был.

Коридор позади нас завалило до потолка. Из-под кирпичей торчала ручка оранжевого ящика. Достать его не получилось бы.

— Как тебя зовут?

— Павел Громов.

— Павел, я найду, что подложить под балку. Если станет тяжелее дышать, сразу скажи.

— Куда уж тяжелее.

Он попытался усмехнуться, но закашлялся.

Я повернул фонарь в другую сторону. Метрах в пяти коридор сужался под низкой аркой. Рядом с ней висел красный шкаф с разбитым стеклом. Внутри нашлись короткий лом и два толстых деревянных бруска.

Бруски были сухими и крепкими. Я принёс их к балке, поставил один на другой. До металла оставалось несколько сантиметров.

— У стены пластина, — сказал Громов. — Справа от тебя.

Под пластиной нашлась целая каменная плита. Я сгрёб с неё мусор и поставил подпорку на твёрдое основание.

Оставалось чуть приподнять балку и задвинуть под неё бруски. Я подсунул лом, попробовал нажать. Конец балки поддался, но обе руки были заняты.

Громов заметил, куда я смотрю.

— Держи лом. Я подставлю.

— Не дотянешься.

— Дотянусь.

Он протянул руку. Пальцы пришлось бы сунуть прямо под балку.

— Нет, — сказал я. — Если сорвётся, руку придавит.

Громов откинул голову. На губе у него появилась розовая пена. Он уже не спорил.

Я перехватил лом — и увидел перед собой надпись.

«Доступен приём: Удержание I».

Серые буквы висели над моей рукой. Я моргнул, повернул голову. Они остались перед глазами.

Ниже появилась ещё одна строка:

«Сохранена подсказка движения. Использовать?»

Я зажмурился. Буквы остались и в темноте.

Если это сотрясение, оно выбрало крайне неудачный момент.

— Эй, — позвал Громов. — Ты со мной?

— У меня буквы перед глазами.

Он перестал двигаться.

— Что пишут?

— Предлагают что-то удержать. Ты тоже видишь?

— Нет. Это твой Контур.

— Мой что?

— Надписи. Через них пользуешься магией.

Я посмотрел на него.

Он не улыбался.

— Только на восстановление не соглашайся, — добавил Громов. — Если предложит, откажись.

— Магией?

— Белов… — Он закашлялся. — Потом. Пожалуйста.

Я не разобрал первое слово. На губах у Громова пузырилась кровь.

Я снова прочёл надпись. Появились условия: прикоснуться к предмету, выбрать опору. Удерживать можно три секунды, нагрузка — не больше восьмидесяти килограммов. Расход — четыре единицы. У меня их двенадцать.

Три секунды. Как раз хватит, чтобы подвинуть бруски.

Я не понимал, откуда взялись буквы. Но Громов с каждым вдохом хрипел всё сильнее, а другого способа я пока не нашёл.

— Как выбрать опору?

— Смотри на пол под балкой. Нужно закрепить её над ним. На себя вес не принимай.

От балки к каменной плите протянулась тонкая линия, такая же ненастоящая, как буквы. Я мысленно согласился на подсказку.

Правая кисть тут же повернулась. Пальцы сами легли на металл, будто я сотни раз делал это движение.

Я едва не отдёрнул руку. Мне было знакомо, как рука находит в темноте выключатель. Но эту балку я видел впервые.

Громов застонал.

Я зажал лом левой рукой и нажал сильнее. Конец балки приподнялся. Правую ладонь оставил на металле.

Удержать.

Лом вдруг стал лёгким.

Между балкой и брусками оставалась щель. Я видел её насквозь: вода, луч фонаря, Громов по ту сторону. Металл держался на моей ладони — без усилия, без всякой возможности объяснить, почему не падает.

Я толкнул бруски ногой. Один встал криво, пришлось поправить. В голове уже нарастала боль, словно мне сдавливали переносицу.

На третьей секунде балка опустилась на деревянную подпорку.

Я отполз и несколько раз шумно вдохнул.

«Резерв: 8».

— Получилось, — выдохнул Громов.

Я невольно рассмеялся. Коротко, одним выдохом: балка висела в воздухе, я это сделал, сам.

— Ты видел?

— Видел. Теперь бы ещё подышать.

Я спохватился и взялся за трубу.

Дерево под балкой держало. Я осторожно отвёл трубу в сторону. Громов наконец смог вдохнуть глубже, хотя от боли тут же зажмурился.

Его нога оставалась под обломком стены. Я поддел его ломом и сдвинул ровно настолько, чтобы освободить голень. Ступня смотрела вбок. Перелом.

— Тащи за подмышки, — сказал Громов. — Только пояс не хватай. Раздавишь кассеты с оборудованием.

Я обхватил его под руками и потянул прочь от завала. Он помогал здоровой ногой. Когда боль становилась сильнее, сжимал зубами край воротника, но не просил остановиться.

Мы отползли от балки на пару метров. Я сел рядом, пытаясь отдышаться.

Из-за арки донеслись быстрые шлёпки.

Я поднял фонарь. Впереди продолжался коридор; в конце виднелась дверь с круглым окном. Никого.

— Здесь ещё люди есть?

— Посвети на воду, — сказал Громов.

Поперёк коридора тянулась гладкая полоса. По обе стороны от неё вода дрожала от наших движений, а на самой полосе не было ни одной ряби.

— Вот эту границу не переходи. Мы называем её швом. За ней можешь оказаться совсем не там, куда шёл.

Я медленно перевёл свет с воды на дальнюю дверь.

— А выход где?

— Справа от нас. Ручку видишь? Есть проход к лестнице, мимо шва.

В боковой стене действительно торчала узкая чёрная ручка. Если бы Громов не показал, я принял бы её за обломок крепления. Над ней висел план эвакуации.

Я уже собрался подняться, когда из кирпичей под аркой высунулась рука.

Длинная, мокрая. Слишком много пальцев.

Сначала мне показалось, что в стене есть дыра. Потом пальцы согнулись, и я увидел сквозь них кладку. Рука двигалась прямо через кирпич.

— Поставь фонарь, — тихо сказал Громов. — Только без стука.

Я медленно опустил его на пол. Пальцы существа замерли над водой.

— Что это такое?

— Складочник. Через шов лезет, целую стену не пройдёт. На звук идёт. Не беги.

Я задержал дыхание. Существо шарило пальцами у самой воды. Вдруг я услышал, как стучат зубы, и сжал челюсти.

— Ключ у меня в нагрудном кармане, — сказал он. — Слева.

Я вытащил связку. Он показал длинный плоский ключ с тремя вырезами.

Замок обнаружился рядом с чёрной ручкой. Я повернул ключ и осторожно потянул. В стене открылась дверь, снаружи облицованная кирпичом. За ней был короткий проход и лестница наверх. Под лестницей стоял пыльный стул.

Выход.

Я поднял фонарь с пола, направил свет в проход и заметил над дверью тяжёлый металлический щит. В случае аварии он должен был опуститься и перегородить вход в проход.

Рычаг соединяла со щитом стальная тяга. Новые болты стояли ближе старых отверстий: тягу заменили на короткую. Щит с такой мог не дойти до пола.

— Здесь крепление переделали, — сказал я.

— Наверху расскажешь. Помоги.

Я вернулся за Громовым. Он попытался подняться на здоровой ноге, оступился и ударил локтем о дверь.

Рука под аркой исчезла.

Шлёпок по воде раздался уже рядом.

Я вцепился Громову в куртку и потащил в проход. Он успел ухватиться за дверную раму. Мы протиснулись внутрь наполовину, когда снаружи что-то ударило в открытую дверь.

Она рванулась к нам. Кирпичная облицовка треснула. Длинный палец обхватил край двери, за ним показались ещё два.

Я упёрся ладонью в дверь и попытался повторить то, что сделал с балкой. На этот раз рука никуда не поворачивалась сама. Пришлось сосредоточиться: дверь должна остаться на месте, пока Громов не проползёт.

«Удержание I. Расход: 4».

Толчки прекратились. Я чувствовал давление снаружи, но дверь не двигалась.

— Ползи!

Громов перевернулся на бок и протащил за собой сломанную ногу. Я отступил следом.

Три секунды закончились. Дверь ударила меня по руке. Острый обломок кирпича распорол левый рукав, обжёг предплечье.

В проём протискивалось серое существо. Я успел разглядеть рёбра под мокрой полупрозрачной кожей и маленькую голову между плечами.

Оно шло на звук.

Я схватил стул из-под лестницы и швырнул обратно в коридор. Одна ножка зацепилась за дверную раму и отломилась. Стул пролетел мимо твари, ударился о стену за аркой.

Складочник повернулся. Его тело согнулось сразу в нескольких местах и исчезло в боковой стене. Через мгновение возле стула загремели обломки.

— Щит опускай! — крикнул Громов.

Я дёрнул аварийный рычаг рядом с дверью.

Металлический щит упал перед нами, оставив у пола щель сантиметров в двадцать. Короткая тяга не давала ему опуститься ниже.

Я схватил лом и просунул его в отверстие крепления. Навалился, пытаясь вырвать болт из стены. Бесполезно.

За щитом плеснула вода.

У меня оставалось четыре единицы. Ещё одно удержание — и всё.

— Павел, надо сломать крепление. Я придержу щит, а ты ударь по лому. Сможешь?

Громов сел и подобрал у лестницы обломок металлической ступени.

— Давай.

В щель просунулась серая кисть. Пальцы ощупали пол и потянулись к моему ботинку.

Я прижал ладонь к щиту и включил удержание. Лом оставил в креплении.

— Бей!

Первый удар прошёл мимо. Существо навалилось на щит, и серый палец скользнул по носку моего ботинка. Я прикусил язык, чтобы не закричать. Ещё две секунды. Может быть, одна.

Громов ударил снова.

Болт лопнул. Тяга отошла от стены, а пальцы внизу попытались ухватиться за край щита.

Я отпустил удержание.

Щит упал до пола. Чужая рука исчезла за ним.

Я прислонился лбом к холодному металлу. Из носа капала кровь.

«Резерв: 0. Применение приёмов недоступно».

Громов потянул меня за штанину.

— Отойди. Теперь железо само держит.

Я опустился на ступень рядом с ним.

Мы долго сидели молча. Громов дал мне чистую тряпку из кармана, я прижал её к носу. За щитом не было слышно ни плеска, ни шагов.

Когда руки перестали дрожать, я закрепил его голень между отломанной ножкой стула и рейкой, которую нашёл под лестницей. Теперь можно было двигаться, не тревожа перелом при каждом толчке.

— Ушло? — спросил я, оглянувшись на щит.

— Не знаю. Проверять не будем.

В свете фонаря я видел грязь под его ногтями, пот на лбу, кольцо на распухшем пальце. Боль была настоящей, кровь у меня на куртке — тоже. Списать всё на удар головой уже не получалось.

Возле двери висел небольшой ящик. Громов попросил ключ, открыл его и прижал металлический кружок со своего воротника к медной пластине внутри.

— Седьмой аварийный, — сказал он. — Нас двое. Одному нужны носилки, второй идёт сам. Выходим через прачечную. Перелом ноги, кровотечение, истощение.

Пластина щёлкнула. Ответил женский голос:

— Приняла. Встретим у верхнего пролёта. Проход закрыт?

— Закрыт. Щит держит. Поставьте запрет на открытие, в механизме неправильная тяга.

— Всё-таки заметил? — спросил я.

— Я тебя слышал. Даже под балкой не оглох.

Он попытался встать, побелел и протянул мне руку.

— Ну, давай. Пока я ещё храбрый.

Лом я сунул за пояс, фонарь повесил за петлю на запястье и подсунул плечо Громову под руку. Другой рукой он ухватился за перила. Мы начали подниматься, отдыхая через каждые несколько ступенек.

Над головой уже слышались голоса спасателей, когда Громов сказал:

— Антон, правее. Ступень треснула.

Я остановился.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Он посмотрел на меня. Потом на зашитую ладонь, которой я держался за перила.

— Совсем ничего не помнишь?

— О чём ты?

Громов несколько секунд молчал.

— Веру надо позвать.

Кто такая Вера, я спросить не успел. Сверху спустились двое в тёмных куртках с жёлтыми полосами. Громова переложили на носилки. Один из спасателей помог мне подняться по последним ступеням, придерживая за локоть.

Дверь прачечной выходила во двор. Шёл мелкий дождь. За аркой виднелись мокрая набережная и знакомая ограда Обводного канала.

Петербург. Я всё ещё в Петербурге.

На секунду стало легче.

Потом по мосту проехал трамвай. Красный борт, реклама зубной клиники, пассажиры у окон. Только над крышей вместо привычного токоприёмника вращалось медное кольцо.

Проводов над путями не было.

Женщина в форме взяла меня за локоть.

— Вы меня слышите? Как вас зовут?

Перед глазами снова возникли буквы:

«Восстановление профиля доступно».

Я вспомнил предупреждение Громова и отвёл взгляд, хотя надпись от этого не исчезла.

— Антон, — ответил я женщине. — Антон Белов.

Она записала имя на бумажном бланке. Я следил за её ручкой и старался не читать ничего другого.

Глава 2. Двенадцать суток

В приёмном покое пахло мокрыми куртками и кофе. На стене висела доска с именами дежурных врачей, возле регистратора стояла пластиковая ёлка без игрушек. До Нового года было далеко; на ёлке сушили перевязочные ленты.

Я задержал на ней взгляд дольше, чем следовало.

— Крепление сломано, — сказала женщина за столом. — Стойка вчера упала. Что у вас с рукой?

Я протянул правую ладонь.

— С другой.

Только тогда я заметил, что левый рукав насквозь промок от крови. Порез на предплечье почти не болел, пока его не начали промывать.

Меня усадили на кушетку за занавеской. Громова увезли дальше по коридору. Последнее, что я от него услышал, было возмущённое:

— Да не тяните вы, она моя!

— Значит, разговаривать может, — сказала врач.

Её звали Елена Сергеевна; я прочёл на бейдже. Под именем стояло «контурная травма», ниже — обычное слово «врач». Очки у неё сползали на кончик носа. Когда она наклонялась к моему рукаву, я видел в оправе маленькую трещину, склеенную прозрачным составом.

Она спросила, терял ли я сознание, тошнило ли меня. Я отвечал, не сводя глаз с ножниц у её руки.

— Последнее, что помните до обвала?

— Спускался в шахту.

— Адрес?

Я назвал.

Ручка остановилась.

— Там котельная.

— Там строят пересадочный узел.

Она посмотрела на меня поверх очков, затем провела ручкой по строке, не зачёркивая её.

— Хорошо. Дальше?

Я рассказал про стену, балку и Громова. Про существо не смог рассказать сразу. Слово «складочник» никак не хотело выходить изо рта, хотя я слышал его несколько раз и даже понимал, что оно обозначает.

Елена Сергеевна спросила сама:

— Контакт с обитателем был?

— Оно ударило дверь.

— Вас касалось?

— Нет. Кажется, нет.

Она осмотрела порез ещё раз.

— От облицовки. Край неровный, но чистый. Сейчас обработаем. Куртку придётся разрезать.

— Режьте.

Мне очень хотелось спросить, как такое существо может существовать. Вместо этого я наблюдал за ножницами. Обычные медицинские ножницы, тусклые от многих обработок. Рука врача двигалась уверенно, без спешки.

— Мне надо позвонить, — сказал я.

— Телефон в одежде?

Я начал шарить свободной рукой по карманам.

В левом кармане лежала связка ключей. Ни одного знакомого. В правом — две смятые квитанции, пакетик с солью и телефон в прозрачном чехле. На задней крышке под чехлом чернел след от сорванной наклейки.

Это был мой телефон. Я узнал скол на нижнем углу.

Экран не зажёгся.

— Зарядка есть?

Елена Сергеевна кивнула на стол. Я воткнул провод. Появился значок батареи, затем заставка. Пока аппарат включался, врач закрепляла повязку.

Внутренний карман куртки оказался застёгнут на маленькую кнопку. Я не помнил такой кнопки. Вообще куртка была чужая: моя рабочая имела светоотражающую полосу на спине и липучки на манжетах. Эта была плотнее, с кожаными вставками на локтях.

Я достал плоскую книжечку и пластиковую карточку. На обложке книжечки золотом было вытеснено: «Российская Республика».

Я перевернул карточку: на ней было моё лицо.

Фотография не паспортная. Я стоял у белой стены, с мокрыми волосами, в своей рабочей одежде. Слева кто-то попал в кадр плечом. Под фотографией значилось:

«Белов Антон Сергеевич. Временный допуск. Наблюдатель. Сопровождение обязательно».

Ниже — номер и дата: 04.10.2026.

— Это сегодня? — спросил я.

Елена Сергеевна посмотрела на карточку.

— Шестнадцатое сегодня.

Я полез за телефоном так резко, что натянул провод.

Экран показывал четыре октября, 11:18. Заряд — два процента. Сети не было.

— У меня четвёртое.

— Он без связи долго лежал?

Я открыл журнал вызовов. Последний — от напарника. Четвёртого октября, в 10:42. Ни одного нового сообщения. Я набрал его номер. Телефон несколько секунд думал и выдал предупреждение о недоступности сети.

Елена Сергеевна молча положила рядом свой аппарат. На экране было шестнадцатое октября, 06:27.

— Год тот же, — сказала она. — Двадцать шестой.

На квитанции из моего кармана стояло пятнадцатое октября. Ужин: суп, гречка, чай, две порции хлеба.

Суп стоил двести сорок рублей.

Почему-то именно эта сумма окончательно сбила меня. Поддельный пропуск, неправильно настроенный телефон, розыгрыш — для каждого отдельного предмета можно было придумать объяснение. Но я держал в руках жирноватую бумажку, которую кто-то сложил вчетверо и сунул в карман после обычного ужина. Возможно, я сам.

Врач взяла мою правую ладонь.

— А это когда зашивали?

— Не знаю.

Она осторожно повернула руку к свету.

— Несвежий шов. По виду больше нескольких дней. Точно скажет тот, кто накладывал.

— Вы меня раньше видели?

— Я — нет.

Ответ почему-то оказался важнее всех предыдущих. Елена Сергеевна не делала вид, будто понимает происходящее лучше меня.

— У меня галлюцинации? — спросил я.

— Что вы видите?

Я рассказал про надписи.

Она поднесла к моему запястью прибор размером с градусник. По стеклу прошла короткая белая черта.

— Контур у вас работает, прибор его видит. Но сил вы потратили столько, что сейчас он не даст вам пользоваться магией. Сами надписи здесь не признак галлюцинации.

— Здесь?

Елена Сергеевна сняла очки.

— Сначала я разберусь, можно ли вас отпускать. А вы пока полежите.

— Вы тоже не знаете?

— Не всё, — сказала она. — Но рану вам зашью.

Я лёг. Это было первое обещание за утро, которому я поверил.

За занавеской звякнула посуда. Кто-то попросил кипятка, кто-то ответил, что чайник опять выбивает розетку. Я уставился в потолок и начал перечислять то, что знал.

Меня зовут Антон Белов. Мне тридцать два. Я живу на Будапештской. На кухне сломан ящик, который собирался починить в воскресенье. Мать звонила вечером. Сестра прислала фотографию собаки, которую опять подобрала и теперь якобы только временно держит у себя.

Я помнил пароль от банка. Помнил вкус вчерашнего кофе, хотя вчера, видимо, было двенадцать дней назад. Помнил, как начальник просил не писать в отчёте «необходимо вскрытие», потому что заказчику это не понравится.

За последние двенадцать суток не было ничего.

Занавеска шевельнулась.

Вошла женщина в сером пальто. Несколько мокрых прядей прилипли к щеке; с пакета, которым она обернула зонт, капало на пол. Увидев меня, она быстро шагнула к кушетке.

Я отодвинулся.

Она остановилась, стиснула ручку зонта и только тогда произнесла моё имя.

— Мне сказали, ты Вера.

Я услышал, как сухо это прозвучало, но исправлять не стал.

Она кивнула. Отвела глаза к моему перевязанному предплечью.

— Я Вера Ланская. Мы знакомы.

— Это я уже начинаю понимать.

Она придвинула стул, но не села.

— Можно?

— Садись.

Зонт она поставила в раковину, пальто повесила на крючок. Под ним оказалась тёмная кофта с растянутой манжетой. Вера подтянула манжету и тут же отпустила, словно поймала себя на ненужном движении.

— Павел жив?

— Его увезли туда. — Я кивнул в сторону коридора. — Нога сломана.

— Я знаю про ногу. Я хотела услышать, что ты его видел.

Она села. Вблизи было заметно, что под глазами у неё покраснела кожа, как после бессонной ночи. Мне стало неловко за собственную резкость. Я ещё ничего о ней не знал, а она, возможно, пришла от другого раненого.

— Что произошло?

Вера посмотрела на открытую дверь за занавеской.

— Последнее, что ты помнишь, — шахта на Лиговском?

— Я спросил первый.

— Ты прав. Прости.

Она положила ладони на колени.

— Двенадцать дней назад ты оказался здесь. По нашим данным, из другой версии Петербурга. Мы провели обследование, оформили временную регистрацию. Сегодня ночью тебе сделали аварийное отключение экспериментального контура. После него могла пропасть память с момента первого подключения. Судя по тому, что ты спрашиваешь, она пропала.

Я ждал продолжения. Она не торопилась его добавлять.

— Сделали — кто?

— Я. Павел помогал.

В приёмном покое кто-то рассмеялся. Обычный короткий смех, совершенно неуместный.

— Ты мне стёрла память?

— Я остановила загрузку, которая тебе вредила. Потеря последних дней была известным риском. Ты согласился.

— Удобно.

Она не стала спорить.

— Я понимаю, что ты мне не веришь. Есть запись осмотра, есть твоё согласие. И письмо. Ты сам написал его себе и оставил не у меня.

— А всё это нельзя подделать?

— Можно. Поэтому я и не принесла письмо. Заберёшь сам, у человека, которого я сейчас даже не предупреждала.

— И он тоже меня знает?

— Да.

Я отвернулся. Вера некоторое время смотрела на меня, потом сняла с крючка мокрое пальто.

— Знаю, это бесит, — сказала она тише.

Вера посмотрела на стол. На телефон, карточку, квитанции. Взяла пакетик с солью и положила рядом с остальными вещами. Не выбросила.

— Мы… — начал я и не знал, как продолжить.

Она подняла глаза.

— Мы кем друг другу были?

На этот раз Вера ответила не сразу.

— Знакомыми. За последние дни стали ближе.

Она потянулась убрать нитку с моего рукава и остановила руку на полпути.

— Извини. Я ещё не привыкла.

— Насколько ближе?

— Мы много разговаривали. Один раз вместе готовили ужин. Ты пересолил рис и утверждал, что так задумано.

Я посмотрел на пакетик соли.

Она тоже посмотрела и впервые чуть улыбнулась.

— Это из столовой. К рису отношения не имеет.

Я не улыбнулся в ответ. Но перестал так сильно стискивать челюсть.

Занавеску отодвинули. Вошла Елена Сергеевна, а за ней мужчина в сухом тёмно-синем плаще. Он держал тонкую папку, прижимая её к боку. На лацкане висел прямоугольный значок с той же эмблемой, что на моём пропуске.

— Закончили? — спросила врач у Веры.

— Пока да.

— Тогда в коридор на десять минут. И вы тоже, Сергей Ильич. У меня здесь пациент, а не совещание.

Мужчина чуть приподнял ладонь.

— Я буквально представиться. Сергей Ильич Костин, Бюро подземных работ. Антон Сергеевич, у нас для вас подготовлено место в профильном отделении. Транспорт будет через двадцать минут.

— Я просил?

— Вы участник аварийного происшествия с нестабильным контуром. Есть стандартный порядок наблюдения.

Вера встала.

— Добровольного, Сергей Ильич.

— Если врач не установит оснований для другого решения.

Они оба посмотрели на Елену Сергеевну. Она постучала ручкой по собственной папке.

— А врач ещё не закончил осмотр.

Костин кивнул, оставил визитку и вышел. Вера задержалась у занавески.

— Письмо можно получить без меня, — сказала она. — Переплётная мастерская на Рузовской. Зоя Марковна. Адрес напишу.

Я хотел попросить её остаться. Именно это желание заставило меня промолчать.

Следующий час я ходил по нарисованной на полу линии, следил за светом и отвечал на вопросы. Вера ждала за занавеской. Я узнавал её по звуку стула: стоило мне запнуться, ножки скрипели по полу.

В конце врач выдала две страницы рекомендаций и направление на дополнительное обследование. Предложила остаться до середины дня. Я согласился.

— В Бюро не поеду, — сказал я.

— Я не из Бюро.

— Знаю. Потому и говорю вам.

Елена Сергеевна поправила очки.

— Тогда здесь отказываетесь, здесь расписываетесь. Разборчиво, пожалуйста. Мне и своих каракулей хватает.

Я написал имя.

Получилось привычно: длинная верхняя перекладина, короткая петля, неровная последняя буква. Собственный почерк немного меня успокоил.

Потом я уснул прямо на кушетке, с телефоном под ладонью.

Когда проснулся, за окном стало светло. Вера сидела у стены и читала бумажную книгу. На подоконнике стояли два стакана. Из одного она уже пила; второй был закрыт крышкой.

— Это тебе, — сказала она. — Кофе. Без сахара. Если сейчас предпочитаешь с сахаром, он у регистратора.

Я поднял стакан. Кофе остыл, но пах нормально.

— А раньше я как предпочитал?

— Без. Иногда ты сам не знал, чего хочешь, но кофе всегда без сахара.

— Много успела узнать.

— Двенадцать дней — это довольно долго, если всё время что-нибудь происходит.

Я сделал глоток. Во рту было сухо, кофе показался слишком горьким. Вера закрыла книгу пальцем, не загибая страницу.

— Как Громов?

— Ногу собрали. Ругается, что три недели не пустят в спуск. Просил передать, что ты должен ему стул.

На этот раз я всё-таки улыбнулся.

Она заметила и отвела глаза к окну. Я успел увидеть, как она тоже улыбнулась.

Костин вернулся, когда я допивал кофе. Он принёс конверт с документами и положил его на край кушетки.

— Временный пропуск действует. До выяснения обстоятельств допуск в полости приостановлен. Завтра к одиннадцати просьба явиться для составления объяснения. Адрес здесь. И памятка о контурной безопасности.

— Обязательная явка?

— Вы указаны свидетелем происшествия. Если нужно перенести по состоянию здоровья, позвоните.

Он не был похож на человека, который собирается тащить меня в чёрную машину. Это мешало. К простому объяснению с похитителями я уже начал привыкать.

— Вы знаете, откуда я появился?

— Я знаю, что ваша регистрация оформлена по особому порядку. Детали мне недоступны.

— А кто знает детали?

— Руководитель проекта. Вам организуют встречу.

Костин посмотрел на Веру, затем снова на меня.

— Пожалуйста, до осмотра специалистом не соглашайтесь на предложения сторонних контуров. И не принимайте препараты, происхождение которых не можете проверить.

— А ваши можно проверить?

Костин открыл конверт, вынул памятку и подчеркнул номер внизу.

— Позвоните сами. Не через меня.

На секунду я растерялся: вежливого человека подозревать было труднее.

После его ухода я прочёл памятку. Полостями здесь называли подземелья, в которых менялось само пространство. Входить туда без допуска запрещалось. Остальные советы были понятнее: восстановить силы, прежде чем пользоваться магией; если перестал понимать, где находишься, — звать на помощь. Внизу стоял номер круглосуточной линии.

На обороте мелким шрифтом предлагалось бесплатное восстановление индивидуального профиля в учреждениях Бюро.

Я сложил лист и убрал в конверт.

— Поедем за письмом, — сказал я Вере.

Вера позвала врача, забрала назначения и помогла найти мою разрезанную куртку. На повреждённый рукав Елена Сергеевна нацепила два зажима для бумаг.

— В мастерской зашьёте. Рану не мочить. И сегодня никаких подвигов.

На улице Вера раскрыла зонт. Я оказался слишком близко к её плечу и отступил под дождь.

— Он на двоих, — сказала она.

— Я понял.

Мы пошли рядом. Она держала зонт чуть выше, чем было удобно ей. Я забрал ручку, и несколько шагов мы молча подстраивались друг к другу.

На остановке я увидел газетный киоск. За стеклом лежал свежий номер «Петербургского листка». Шестнадцатое октября. На первой полосе обещали ограничить движение на двух мостах из-за сезонной проверки створов.

Я остановился.

Двенадцать дней. В этом городе я успел получить документы, зашить руку и приготовить ужин с женщиной, которая сейчас ждала возле меня под зонтом. А дома в моём телефоне всё ещё было четвёртое число.

— Давай купим газету, — сказал я.

Вера полезла за кошельком.

— У меня есть деньги?

— В книжечке. Твоя расчётная карта и немного наличных.

Я открыл книжечку. Внутри нашёл три купюры, карту и сложенную полоску бумаги. На полоске были записаны адрес мастерской и четыре цифры.

Почерк был мой.

Я показал запись Вере.

Вера едва взглянула на бумагу и отвела глаза.

— Твой код. Убери, здесь люди.

Газету я купил сам. Пока продавец искал сдачу, поймал в стекле отражение: помятая чужая куртка, женщина под моим зонтом. Со стороны мы выглядели парой, которая вышла за газетой.

Я отвернулся раньше, чем Вера заметила мой взгляд.

Глава 3. Собственный почерк

Мастерская находилась в полуподвале. Над дверью висела вывеска «Переплёт и реставрация», а под ней — лист в прозрачном файле: «Мокрые книги сразу не раскрывать».

Вера остановилась на нижней ступеньке.

— Лучше сначала зайди один.

— Почему?

— Ты на меня всё время оглядываешься. А письмо твоё.

— Я не оглядываюсь.

Вера подняла бровь. Я понял, что только что снова это сделал.

Она забрала зонт и отошла под козырёк соседней двери. Я оглянулся на улицу. Машины, прохожие, булочная в нескольких метрах. Можно было уйти, попросить там телефон и набрать полицию.

Вера ждала под козырьком, глядя на дождь.

Я толкнул дверь мастерской.

Внутри было тепло. На длинном столе лежала разобранная книга; её страницы были проложены белыми листами, каждый чуть шире оригинала. Над столом горела лампа с тяжёлым плафоном. У стены стоял пресс, похожий на домашнее орудие пытки.

Из-за стеллажа вышла невысокая женщина в синем фартуке. Посмотрела на зажимы на моём рукаве.

— Книги так зажимать нельзя.

— Это куртка.

— Вижу. Куртку можно. Вы за чем?

Я назвал себя.

Она вытерла руки полотенцем, сняла фартук и повесила на крючок. Только потом подошла к маленькому письменному столу возле окна.

— Документ покажите.

Я протянул книжечку. Она сверила фотографию, вернула.

— Номер?

Я достал полоску бумаги с четырьмя цифрами. Зоя Марковна пододвинула блюдце.

— Положите. Я со своего места прочту.

Она сверила цифры в тетради и достала из железного шкафа коричневый пакет.

— Вчера оставили. За хранение заплатили. Проверяйте, прежде чем вскрывать.

На клапане стояли три подписи. Две я не знал. Третья была моя.

Подписи пересекали сгиб: если вскрыть пакет, линии разойдутся. Можно, конечно, изготовить новый и договориться с хозяйкой. Так я собирался сомневаться во всём?

— Я при вас писал?

— Подпись при мне. Что внутри, я не читала. Писали за столом вон там.

Она указала на свободный край рабочего стола.

— С кем пришёл?

— С Верой. Но она вышла, пока вы писали. Потом ещё с улицы вернулись за ручкой. Она у вас всё время куда-то девалась.

Моя ручка действительно всё время куда-то девалась.

Это ничего не доказывало.

Зоя Марковна положила рядом нож для бумаги.

— Вера сказала, что вы можете не помнить. А вы вчера сказали, чтоб я не уговаривала. Так что вот пакет, вот нож.

Она вернулась к книге. Я снял на телефон подписи и запись о хранении — соседние строки хозяйка прикрыла листом — и вскрыл пакет.

Внутри лежали три листа, маленький латунный ключ и половина квитанции с неровным краем.

На первом листе было написано:

«Антон.

Если ты помнишь Лиговский и ничего после, значит, сброс сработал. Сегодня пятнадцатое октября. В этот город мы попали четвёртого.

Не пытайся прямо сейчас восстановить все двенадцать дней. Сначала проверь, почему я решил от них отказаться.

В лечебнице на Обводном есть запись о шве на правой руке от восьмого числа. Попроси копию с временем обращения. Не пересказ. Номер приёма 418.

В журнале бригады Громова найди мою схему затвора от одиннадцатого. До встречи с руководителем проекта. Там короткая тяга — ты, конечно, сначала решишь, что ошибся сам. Я тоже решил.

На предложение восстановить профиль пока отвечай отказом. Узнай, чей он. Это не тот вопрос, который нужно задавать наедине с человеком, предлагающим восстановление».

Я опустил лист.

Тяга.

Я вспомнил лишние отверстия в стене и щель под щитом. Ту самую, в которую тянулись пальцы складочника.

— У вас воды можно? — спросил я.

Зоя Марковна принесла стакан, поставила на отдельный табурет.

— Не на стол. Тут клей.

Я допил воду и вернулся к письму.

«Не считай собственный почерк доказательством. В этом мире могут снять двигательный след. Поэтому оставил вещи, которые нужно сравнить с другими вещами.

Половина квитанции у тебя в кармане книжечки, под внутренней обложкой. Разрыв должен совпасть. Сам по себе это пустяк, но проверь всё равно.

Ключ от нижнего замка комнаты над мастерской. Комната оплачена до конца месяца. В нижнем ящике стола блокнот. В нём сначала мои записи, потом записи, которые я не помню, как делал. Не выбрасывай ни те, ни другие.

Я разрешил Вере провести сброс. Она сказала, что пропадёт всё после первичной привязки. Возможно, навсегда. Разрешение подписано отдельно, копия у врача, не только у неё.

С Верой мы всё время спорим. Когда она сердится, называет меня Антоном Сергеевичем, а я начинаю говорить тише. Не делай так: её бесит. И если захочет решать за тебя, останови. Она умеет».

Последнее предложение было зачёркнуто, затем надписано снова почти теми же словами: «Она к этому привыкла».

Я прочёл его дважды.

Внизу, отдельно от остального, стояло:

«Помнишь заключение по дому на Седова? Ты написал „при условии“, а они напечатали только первую половину. Не отдавай никому право заканчивать твоё предложение».

Про Седова я никому не рассказывал. Даже матери сказал, что на работе поссорились из-за денег.

Я сел на свободный стул.

Можно было вытащить и это воспоминание. Я устал продолжать список.

На обороте листа было всего две строки:

«Если всё получится, первое утро будет очень плохим.

Поешь».

Я засмеялся. Один раз, некрасиво.

Зоя Марковна посмотрела на меня поверх книги, но ничего не спросила.

Второй лист представлял собой схему коридора. Изображение было узнаваемо: арка, затвор, обходной проход. Подписанные размеры. Возле тяги я поставил два вопросительных знака, один поверх другого. Так я помечал место, к которому собирался вернуться после проверки.

Я вынул из книжечки вторую половину квитанции. Бумага была спрятана под неприклеенным краем внутренней обложки. Половинки сошлись по каждому выступу. Посередине восстановилось слово «хранение».

Третий лист был копией согласия на процедуру. В строке «ожидаемая утрата» от руки было вписано: «Воспоминания с 04.10, после первого подключения». Под этой строкой я расписался отдельно.

Я долго смотрел на подпись.

Потом спросил:

— Вера всё ещё там?

Зоя Марковна выглянула в верхнюю часть окна.

— Стоит. Позвать?

— Да.

Пока она поднималась к двери, я аккуратно вложил листы обратно. Раньше мне хотелось, чтобы кто-то рассказал всё с самого начала и я смог решить, верить или нет. Теперь начало было у меня в руках. Легче от этого не стало.

Вера вошла без пальто. Оставила его у двери, подошла к столу и остановилась на расстоянии шага.

— Ты читал?

— Да.

— Что хочешь спросить?

— Я сам это выбрал?

— Сам.

— А ты бы выбрала за меня, если бы я отказался?

Она посмотрела на пакет.

— Я бы пыталась убедить. Но без согласия не стала бы.

— Гарантировать легко. Я всё равно не помню.

— Поэтому нужно проверить запись у врача.

Я кивнул. Проверить запись было легче, чем решить, верю ли я ей.

— Почему меня нельзя было разбудить в нормальной комнате?

Вера придвинула стул и села напротив.

— Процедуре нужен автономный узел. Мы использовали аварийный, под прачечной. После отключения ты должен был проспать несколько часов. Павел собирался вывести тебя по служебному проходу. Потом открылся соседний шов.

— Сам?

— Я не видела, кто его открыл. Думаю, за нами пришли. Я увела двоих к наружной лестнице. Когда смогла вернуться, проход уже завалило. Павел отозвался по аварийному посту.

— Двоих людей?

— Да.

— Ты знаешь, кто они?

— Один был в форме технической охраны Бюро. Второго раньше не видела.

Я представил её одну у завала. А потом напомнил себе, что видел этот завал только изнутри.

— В надзор сообщили?

Она показала номер обращения. Я переписал его на поле газеты.

— Завтра попрошу копию.

— Попроси.

Зоя Марковна громко передвинула книгу.

— Наверху поговорите, — сказала Зоя Марковна. — Вы мне уже третий раз локтем газету на мокрый лист кладёте.

Вера извинилась. Я собрал бумаги и взял ключ.

Лестница в жилую часть была узкая, с высоким подоконником на повороте. Вера пошла впереди и один раз обернулась, когда я остановился перевести дыхание. Она не спросила, нужна ли помощь, просто подождала.

Наверху было две двери. Возле одной стояли резиновые сапоги, возле другой — мои рабочие ботинки.

Я присел рядом с ними. На левом ботинке сбоку был белый след краски. Я наступил в неё ещё весной и так и не отмыл. На язычке правого — надрыв от проволоки. Я знал эти ботинки лучше, чем комнату за дверью.

— В них ты пришёл, — сказала Вера.

Я потрогал сухую кожу, затем выпрямился и вставил ключ. Он подошёл только к нижнему замку.

— Верхний не закрывали, — объяснила она.

В комнате стояла узкая кровать, стол и шкаф с одной перекошенной дверцей. На батарее сушились носки. На подоконнике лежала отвёртка, рядом — снятая ручка от шкафа.

Я начал чинить шкаф.

Эта мысль почему-то задела сильнее письма. Человек, проживший здесь двенадцать дней, уже присмотрелся к раздражающей мелочи, нашёл инструмент, выкрутил винты. Скорее всего, отвлёкся и оставил всё до завтра. Как я оставлял дома кухонный ящик.

На столе стояла кружка с отколотой ручкой. Внутри лежали карандаши. Я вынул один. Он был заточен ножом, не точилкой.

— Ты там вещи не трогала?

— Утром открывала окно. Проверяла, не вернулся ли ты сюда. Больше ничего.

Я сел на кровать. Она скрипнула, и тело неожиданно узнало этот звук. Или мне показалось.

— Мне нужно уйти на час, — сказала Вера. — Может, на два. Я оставлю еду у Зои Марковны. Она поднимет.

— Куда?

Вопрос прозвучал требовательнее, чем я хотел.

— В лечебницу. Не в ту, где был ты.

— Ещё кто-то пострадал?

Она посмотрела на часы.

— У меня пропал брат. Мне обещали проверить один список. Это отдельная история, я расскажу. Сейчас человек на смене только до трёх.

Я убрал ногу от двери. Даже не заметил, что загородил ей выход.

— Конечно. Иди.

— Номер мой в твоём блокноте. Местная сим-карта в верхнем ящике. Твой телефон с ней работает, мы проверяли.

Она взялась за ручку двери и остановилась.

— Антон, про восстановление. Я понимаю, как это звучит после всего. Но хотя бы до проверки письма…

— Не соглашаться. Я прочёл.

Она кивнула и ушла.

В нижнем ящике лежал толстый блокнот. Первые страницы были заполнены моим почерком: адреса, телефоны, короткие заметки. «Контур — не имплант, спросить точнее». «Разница в истории началась раньше». «Мать — номер не обслуживается. Не набирать наугад через восемь».

Я закрыл блокнот.

Снова открыл. Перелистал дальше.

Схемы, цифры, несколько вариантов круглой рамы, набросок профиля арки. Затем почерк резко менялся: буквы становились мельче, наклон уходил влево. Несколько страниц занимали таблицы с обозначениями, которых я не понимал. Через них с силой было написано: «Я этого не составлял».

На следующей странице привычной рукой:

«Возможно, составлял. Не помню. Проверить на бумаге с датой».

Я отложил блокнот и встал. Комната покачнулась. Врач советовала спать, есть и не пользоваться контуром до восстановления. На сегодня это казалось единственным планом, которому можно было следовать без проверки чужих намерений.

Зоя Марковна принесла суп в миске, завёрнутой в полотенце. Я съел его сидя на кровати. Потом лёг, положив пакет с письмом под подушку. Это было бессмысленно: если здесь заговор, бумагу заберут вместе с подушкой. Но я всё равно не переложил.

Проснулся от скрипа пола. За дверью кто-то прошёл, потом в соседней комнате включили воду.

В окно уже смотрел вечерний двор. Фонарь освещал стену напротив и водосточную трубу, на которой кто-то нарисовал белую рыбу.

Я вспомнил комнату сразу. Письмо тоже. Проверил на всякий случай: события сегодняшнего дня оставались на месте.

Вера постучала спустя несколько минут.

— Можно?

Она принесла маленькую коробку и пакет с двумя булочками.

— Как брат? — спросил я.

— В списке нет.

Она положила пакет на стол. Я подвинул к ней единственный стул, сам сел на кровать.

— Это значит, что…

— Антон, нет его там. Я весь список просмотрела.

Она устало потёрла лицо. Я не стал предлагать объяснений.

В коробке был прибор с прозрачной пластиной и две маленькие керамические катушки.

— Врач разрешила проверить запас сил. Приложишь палец — прибор покажет, сколько восстановилось. Попробуем?

— Давай.

Вера положила прибор на стол, показала единственную кнопку и дала мне самому коснуться пластины. На ней появилась цифра двенадцать. Я перевёл взгляд на свою руку и увидел то же значение перед глазами.

«Резерв: 12 из 12. Ограничение снято».

— Совпадает, — сказал я.

— Уже одна проверка.

— А дальше что?

— Могу объяснить основы. Если устал, оставлю прибор до завтра.

Я посмотрел на катушки.

— Под балкой рука двигалась сама. Мне это не понравилось.

Вера кивнула.

— Осталась подсказка. До сброса ты уже учился удержанию; само обучение забыл, а движение Контур сохранил.

— Можно без подсказки, — добавила она. — Тогда медленнее.

Она поставила катушку на стол. Маленькая белая вещь, не тяжелее напёрстка.

— Сегодня только эту. Заболит голова — сразу скажи.

Я коснулся катушки. Перед глазами возникло предложение запустить учебную запись. Я подумал «нет». Предложение исчезло.

Ничего другого не произошло.

Вера сидела, подперев подбородок рукой.

— Я должен представить, что она не движется?

— Она и так не движется. Попробуй понять, относительно чего хочешь её удержать.

Я вспомнил слова Громова: пол, не себя.

На столе была царапина, короткая и белая. Я выбрал её. Положил катушку рядом, прикрыл двумя пальцами. Попытался представить расстояние между ними.

Пальцы захотели повернуться знакомым, неправильным движением.

Я отнял руку.

— Опять.

— Тогда начни другой рукой, — сказала Вера. — Указательным пальцем. Не повторяй всю форму.

Левое предплечье ныло под повязкой, но пальцы двигались нормально. Я опёр локоть на сложенную куртку и коснулся катушки одним пальцем.

Вера ничего не говорила. За стеной шумели трубы, внизу звякнул дверной колокольчик. Я слушал эти звуки и пытался удержать в голове две простые вещи: катушка здесь, царапина рядом. Стол может качаться. Моя рука может дрожать. Расстояние между катушкой и царапиной остаётся тем, которое я выбрал.

На этот раз я почувствовал сопротивление прежде, чем увидел надпись.

«Удержание I. Опора выбрана».

— Сейчас, — сказал я.

Вера осторожно потянула катушку за торчащую нитку. Нитка натянулась. Белая керамика осталась на месте.

Я отпустил приём через две секунды. Катушка сдвинулась, Вера успела поймать её у края.

Голова не болела. Только на мгновение заложило уши.

«Резерв: 8».

Я улыбнулся прежде, чем успел сдержаться.

Я снова положил палец на катушку, уже не включая приём. Помнил, как получилось. Мог повторить.

— Ты меня за нитку не разыграла?

Вера молча отдала нитку мне. Я потянул — катушка легко покатилась по столу.

— Нет, — сказал я и засмеялся. — Ладно. Нет.

— Ещё раз? — спросил я.

— Завтра. Сегодня хватит.

Мне хотелось возразить. Очень хотелось. Вместо этого я убрал руку со стола.

Перед глазами прошли новые строки:

«Самостоятельное применение подтверждено.

Базовая адаптация завершена.

Уровень: 1.

Ёмкость: 16. Доступно: 8».

— Первый, — сказал я.

Вера посмотрела на прибор, потом на меня.

— Поздравляю.

Мне захотелось, чтобы она ещё немного посидела.

Я открыл пакет с булочками, разломил одну. Внутри был мак.

Вера посмотрела на разломанную булочку и забрала половину.

Некоторое время мы ели молча. Потом я спросил, почему у трамваев нет проводов. Вера объяснила, что на старых маршрутах провода ещё остались, а кольцо запасает заряд на остановках. Новые вагоны хуже переносят сильный мороз. Зимой водитель включает обогрев кольца и ругается, что на салон опять не хватает.

— Значит, зимой всё равно стоять у печки?

— Если успеешь занять. Я обычно не успеваю.

Я доел булочку. Впервые с утра захотелось куда-нибудь съездить просто так, без справок и перевязок. Сесть у окна, дождаться, пока медное кольцо над крышей наберёт свет.

Я уже собирался спросить про деньги и работу, когда Контур снова открыл текст. На этот раз длинный.

«Доступна специализация.

Рекомендуемый путь: восстановление архивного профиля.

Совместимость: высокая.

Исходный уровень профиля: 18».

Восемнадцать после моего первого выглядело неприлично большим числом. Я почувствовал мгновенный, совершенно понятный соблазн. Если способности позволили вытащить Громова, что можно сделать с семнадцатью следующими уровнями? Разобраться, вернуться, перестать быть человеком с перевязанной рукой и чужими деньгами.

Я посмотрел на конверт.

Узнай, чей он.

— Он предлагает специализацию, — сказал я.

Вера перестала жевать.

— Не подтверждай.

— Я хочу посмотреть сведения.

Она придвинула ко мне прибор.

— Открыть сведения можно. Там отдельное подтверждение загрузки. Если начнётся отсчёт, убирай запрос целиком.

Я выбрал строчку с архивным профилем. Появилось имя.

«Михаил Андреевич Ремезов.

Инженер створных систем.

Профиль сохранён 02.09.2026».

— Ремезов, — прочёл я.

Вера медленно положила недоеденную булочку на бумагу.

— Михаил Андреевич?

— Ты его знаешь?

Она встала, прошла к книжной полке и вытащила из папки сложенную газету. Не ту, которую мы купили утром. Бумага уже пожелтела на сгибе.

Вера развернула её передо мной.

На третьей полосе был портрет мужчины с коротко остриженными волосами. Он стоял возле той самой круглой рамы, которую я несколько раз видел нарисованной в блокноте. Под портретом — имя, должность и дата смерти.

Второе сентября.

— Его профиль не должен быть доступен, — сказала Вера.

Я посмотрел на фотографию. У мужчины было неприметное, усталое лицо. Из тех, что видишь на проходной утром и забываешь к обеду.

Но я знал, что он держит правую руку за спиной.

Снимок обрывался выше пояса. Руку видно не было.

Я закрыл газету ладонью.

— У него правая рука за спиной, — сказал я.

Вера наклонилась к фотографии.

— Здесь не видно рук.

— Знаю.

Я убрал ладонь с газеты. Всё ещё чувствовал в пальцах керамическую катушку, ещё минуту назад хотел показать кому-нибудь, чему научился.

Теперь хотелось, чтобы Вера не уходила.

Глава 4. Человек по документам

Вера открыла блокнот. Я продолжал смотреть на газету.

— Большой палец зажат между поясом и рубашкой. Ладонь наружу.

Она не успела написать ни слова.

— Ты это видишь?

— Нет. Чувствую. Здесь.

Я коснулся собственного запястья. Оно лежало на столе, рядом с раскрытой газетой, и всё-таки одновременно было вывернуто за поясницу. От этого несовпадения начинало подташнивать.

— Руку не повторяй, — сказала Вера. — Расскажи остальное.

Остального не было. Ни голоса, ни чужого лица перед глазами. Только тесный рукав у локтя и желание переменить позу, пока фотограф возится со своей техникой.

Вера записала и это.

Я отвернулся от газеты. Через несколько секунд ощущение начало отступать. Сперва освободился палец, потом локоть. Я встал и прошёл к окну. Пришлось опереться лбом о холодное стекло.

Во дворе мужчина выкатывал мусорный бак. Одно колесо заклинило; бак шёл боком, оставляя на мокром асфальте дугу. Мужчина выругался, пнул колесо и поволок дальше. Я следил за ним, пока тот не исчез под аркой.

— Прошло.

— Утром я хотя бы двигался, — сказал я. — А сейчас сидел здесь и стоял там. Как так можно?

Вера записала мои слова. Когда она произнесла «боль», я поправил: просто неудобно. Хотелось выдернуть палец из-за пояса. Такую мелочь я никогда не придумал бы сам.

— Теперь скажи, что ты думаешь, — попросил я.

Вера посмотрела на фотографию.

— Похоже на фрагмент двигательной памяти. Снимок мог его поднять. Но мы пока не знаем, где действительно находилась рука Ремезова.

— Ты можешь проверить?

— Можно найти полный кадр. Или человека, который снимал.

— Я про твою работу. Считать с газеты.

Она чуть покачала головой.

— Газету держали печатник, продавец, я. Сам Ремезов к ней не прикасался. Бумага не знает, что на ней напечатано.

Я сложил газету портретом внутрь. Очень хотелось, чтобы она оказалась права и бумага действительно ничего обо мне не знала.

— Ты сказала, его профиль не должен быть доступен. Почему?

— После его смерти доступ закрыли. Бюро сообщило, что сохранённые навыки Ремезова повреждены и пользоваться ими нельзя. Я видела это уведомление в сентябре.

— Значит, соврали.

— Я сама это уведомление читала. А у тебя он открывается. Дай сначала разобраться, что именно тебе оставили.

Она убрала лист в мой блокнот. На обороте оставила место для следующей записи. Меня неприятно задело, как деловито это получилось: следующая запись уже предполагалась.

Вера заметила мой взгляд.

— Я не стану сидеть и караулить тебя. Но если повторится ночью, стена тонкая. Постучи.

— А если забуду, зачем стучу?

Она не улыбнулась.

— Тогда будем разбираться с этим.

На пороге она задержалась, поправляя коробку с прибором под мышкой.

— Завтра в лечебницу к восьми. Я договорилась с регистратором. Потом успеем в Бюро.

— Мне там что говорить?

— Начни с балки.

— А что было раньше?

— Про это я сама отвечу.

После её ухода комната стала слишком тихой. Я долго не выключал свет. Разглядывал пятно над батареей, собственные ботинки, чужую куртку с разрезанным рукавом. Из нижнего ящика достал лист и написал сегодняшнюю дату, адрес мастерской, имена людей. В графе, которую мысленно назвал «со мной произошло», оказалось три строчки. Всё остальное приходилось снабжать пометками: «сказала Вера», «написано в письме», «показывает Контур».

Я хотел позвонить матери. Уже вставил местную сим-карту, но остановился на последней цифре её номера. В блокноте было написано, что номер не обслуживается. Проверять это в полночь, после чужой руки за спиной, я не решился.

Положил телефон экраном вниз. Закрыл дверь на нижний замок. Ключ оставил внутри.

Проснулся я от скрежета лопаты во дворе. Несколько секунд лежал, боясь открыть глаза. Потом вспомнил балку, булочки с маком, карандаш Веры. Вчерашний день был со мной.

Часы показывали семь десять.

На стекле выступил конденсат. Я провёл по нему пальцем и увидел внизу дворника, сгребавшего листья. За ночь похолодало; изо рта у него шёл пар.

Контур открылся, когда я сел на кровати.

«Уровень: 1.

Резерв: 16 из 16».

Отдохнувшее тело отзывалось сразу в нескольких местах. Левое предплечье тянуло под повязкой, поясница болела после вчерашнего подъёма балки. Я осторожно расправил пальцы правой руки. На ладони было пять стежков. Два крайних почти утонули в подсохшей корочке.

Я не помнил, как мне их накладывали.

На кухне Вера уже накрыла у окна. На ней был свитер с закатанными рукавами; волосы ещё влажные после душа. Я сел напротив и ждал, спросит ли она про память.

Мы позавтракали у кухонного окна. Вера не спрашивала, помню ли я вчерашний день. Я был ей за это благодарен. Когда я сам сказал, что всё на месте, она только положила себе ещё кусок сыра.

Перед выходом Зоя Марковна выдала мне плотную папку с двумя клапанами.

— Бумаги в кармане таскать перестаньте. Вчерашняя схема уже в заломах.

Внутри была обещанная копия записи о хранении письма.

— За папку сколько?

— Вернёте.

На улице Вера шла быстро, но подстраивалась под меня возле бордюров. Я заметил это на третьем перекрёстке и чуть прибавил шаг. Она посмотрела на мою руку, ничего не сказала.

В лечебнице я назвал номер приёма — 418. Регистратор сравнил ладонь со снимком и направил в четвёртый кабинет: копии обещал принести туда.

Я придержал дверь Вере и тут же пожалел. Хотелось хоть раз поговорить с врачом без неё.

Вместо Елены Сергеевны нас приняла седая женщина. Прочла вчерашние рекомендации, осмотрела предплечье и попросила Веру подождать снаружи.

Мне было неловко от того, как сильно я обрадовался этой просьбе.

Я протянул правую ладонь.

— Её могли зашить вчера?

Врач подтянула лампу.

— Нет. Несколько дней прошло. С датой в карте сверим.

Она сменила повязку на левом предплечье. На спуски запретила идти до повторного осмотра утром; работать наверху разрешила, если не таскать тяжести. Я слушал и вертел здоровой рукой край стула. Моя ладонь оказалась старше меня на девять дней.

Старшая сестра принесла три листа. Первый оказался копией регистрационной записи от восьмого октября, 14:36. На втором был осмотр: резаная рана правой ладони, пять узловых швов, инородных тел не обнаружено. На третьем — фотография.

Моя раскрытая рука лежала на зелёной подкладке. На среднем пальце было пятнышко синей краски. Я машинально посмотрел на свой палец. Краска давно сошла.

— Обстоятельства со слов пациента, — прочла врач. — Порез о кромку защитного кожуха при извлечении застрявшего инструмента. Доставлен бригадой Громова. Документ наблюдателя, выдан четвёртого октября. Номер совпадает.

В левом нижнем углу фотографии виднелся край моей куртки. Не нынешней. Та самая светоотражающая полоса, которую я помнил на себе в шахте.

— Это хранится здесь?

— Да.

— Бюро может исправить?

Врач посмотрела на меня поверх листа.

— Бюро наши записи не правит. Их уточнение приложат отдельно, с датой.

Под согласием на обработку раны стояла моя небрежная подпись. На снимке совпадали и складки ладони, и маленькая родинка у запястья. Девять дней назад здесь действительно сидел я.

— И освидетельствование от пятнадцатого, — сказала врач. — Перед вашим сбросом.

Она распечатала ещё один лист. Это была независимая запись из дежурной службы, не копия согласия из моего конверта.

Этот лист был короче остальных. Врач, фамилию которого я видел впервые, осмотрел меня пятнадцатого октября в 21:17. Я правильно назвал дату и собственное имя, понимал ожидаемую потерю памяти, от предложенной госпитализации отказался. Под словами о возможной необратимости стояла ещё одна моя подпись.

В конце шёл пункт «Условие пациента».

«При невозможности отделить архивную запись прошу прекратить процедуру восстановления. Сохранять навыки ценой дальнейшего замещения воспоминаний не разрешаю».

Я перечитал его. Потом ещё раз.

По моей просьбе врач отметила на копии: запись хранится в лечебнице, Бюро получило только заключение о том, что я понимаю последствия. Я убрал этот лист за фотографию ладони, отдельно от согласия из конверта.

Вера ждала у окна. Увидев меня, поднялась.

— Всё?

— Запись настоящая. По крайней мере, хранится с восьмого числа и совпадает с рукой.

Я протянул ей только первые три листа. Приложение оставил в папке. Она посмотрела на снимок, задержалась на синем пятне.

— Ты тогда ругался на маркер. Он протёк в кармане.

— В какой руке я держал кожух?

Она подняла глаза.

— Я не была рядом, когда ты порезался. Приехала уже сюда.

Я забрал листы. Вера чуть сжала губы, и до меня дошло, что она поняла проверку.

— Прости.

— Лучше спрашивай прямо.

Она вернула снимок и пошла к палате Громова. Я догнал её у поворота. Впервые за утро она не замедлила шаг.

В палате было четыре койки. У окна пожилой мужчина брился маленькой электробритвой, другой спал, натянув одеяло на голову. Громов сидел, опираясь спиной на подушки. Левая нога лежала в высокой жёсткой лонгете. На складном столике перед ним были телефон и недоеденная каша.

— О, — сказал он. — Живые. Заберите это.

Вера убрала тарелку.

— Почему не ешь?

— Потому что манная каша должна оставаться в детстве. Там её место.

Я сел на табурет. Громов внимательно посмотрел на меня.

— Вспомнил?

— Нет.

Он кивнул и подвинул телефон.

— Тогда сначала спасибо. Вчера толком не сказал.

Я хотел ответить что-нибудь про его помощь, но он махнул рукой.

— Не разводи. Ногу мне собрали. Если нормально срастётся, буду опять бегать и всех раздражать. А пока Нина за меня.

— Я хотел спросить про одиннадцатое число. В журнале есть моя схема затвора?

Громов открыл приложение. Пару раз нажал на экран, нахмурился.

— Была.

Он попробовал ещё раз. На экране появился серый прямоугольник с надписью «Материалы переданы комиссии. Доступ ограничен».

— После аварии закрыли журнал смены, — сказал он. — Вчера ещё не смотрел.

— Это обычно?

— Исходник — да. Чтобы задним числом ничего не дорисовали. Копию начальнику смены оставляют.

Он потянулся за телефоном на тумбочке, вспомнил, что уже держит его, и раздражённо выдохнул.

— Голова от лекарств. Нина запросит выгрузку.

Я разложил схему из письма на свободной части столика.

— Я тогда заметил короткую тягу?

— Ты сказал, что у тебя размеры не сходятся. Хотел повторно промерить. Я отправил замечание в ремонтную группу.

— Они ответили?

— Что проверили по заводскому шаблону. Узел годен.

Громов посмотрел на схему без прежней рассеянности.

— Вчера ты её ломом сорвал?

— Болт. Сама тяга осталась на месте. Без этого затвор не опускался.

— Помню, как ты возился. Думал, перекосило от обвала.

Он поднёс рисунок ближе. На соседней койке закашляли; бритва у окна умолкла.

— Покажи, где именно она держала.

Я потянулся дорисовать положение щита. Громов накрыл лист ладонью.

— Старую не пачкай.

Пришлось взять чистый. Когда я закончил, он долго смотрел на двадцатисантиметровый зазор. Потом отодвинул кашу так резко, что ложка упала на пол.

— Они мне написали: годен.

Я поднял ложку. Громов уже набирал номер.

Разговор занял меньше минуты. Женский голос на другом конце оказался достаточно громким, чтобы я услышал:

— Паша, если ты опять решил руководить из-под обезболивающего, я телефон у тебя отберу.

— Нина, просто не давай снимать тягу до промера. И выбей копию журнала.

Вошла санитарка с каталкой. Громов спрятал телефон под салфетку так неловко, что она сразу его заметила.

— На снимок, Павел Викторович. Работу оставьте.

— Да какая работа. Семейное.

Она посмотрела на меня, потом на Веру.

— Большая у вас семья.

Мы вышли в коридор. Вера набрала номер надзора, назвала своё обращение и передала мне телефон.

Ответила женщина. Представилась Ириной Чесноковой, инспектором. Я рассказал про тягу, письмо и перекрытый журнал. На слове «подмена» она остановила меня.

— Кто менял, видели?

— Нет. Я видел, что она не давала затвору закрыться.

— С этого начнём. Схему сегодня пришлёте?

Я посмотрел на часы. Девять пятнадцать.

— Могу прислать снимок. Оригинал у меня.

— Пришлите. Укажите даты обеих схем. И объяснение от себя: мы пока слышали только Ланскую.

— За нами пришли люди Бюро.

— Вы их видели?

— Вера видела.

— С ней я уже говорила. Теперь слушаю вас.

Я помолчал. Вера стояла рядом, скрестив руки на груди. В конце коридора везли Громова; он пытался придержать дверь вытянутой рукой и получил замечание от санитарки.

— Вы можете запретить Бюро трогать меня? — спросил я.

Чеснокова ответила не сразу.

— У вас есть предписание о принудительной процедуре?

— Пока только предлагают восстановление.

— Отказ у вас на руках? Держите при себе. Будут настаивать — звоните, я возьму трубку. Сейчас добьюсь, чтобы тягу оставили для осмотра. Её надо измерить, прежде чем обвинять кого-то.

— Вы мне верите?

— Я хочу увидеть деталь, из-за которой вы едва не погибли.

Я записал её номер на обороте папки. Тяга ещё стояла на месте; её можно было измерить.

На выходе из лечебницы Вера остановилась завязать шнурок. Я раскрыл папку и посмотрел на ладонь в зелёной подкладке. Девять дней назад я добровольно отдал эту руку незнакомому врачу, спорил о чём-то, испачкал палец маркером. Мне хотелось хотя бы на минуту оказаться в том дне. Услышать собственный голос, пока он ещё не задавал каждому человеку одни и те же вопросы.

Я перевернул снимок. На обороте написал: «Кто ответил Громову, что узел исправен?»

Оказалось, у меня есть вопрос, на который не обязана отвечать Вера.

Вера поднялась.

— Домой?

— На час. Ты обещала рассказать всё с начала.

Она посмотрела на папку и кивнула.

— Да. Теперь с начала.

Глава 5. Что она знает

Вера впустила меня в свою комнату и сразу открыла окно.

— Прости. Тут всю ночь сушилось.

На верёвке над батареей висели шерстяные носки, полотенце и тонкие рабочие перчатки. На подоконнике стояла банка с винтами. Из раскрытого шкафа выглядывал край жёлтого платья — неожиданно яркий среди её серых и тёмно-синих вещей.

Она сняла с кресла ворох одежды, переложила на кровать. Мы впервые оказались у неё, и я старался не рассматривать всё слишком заметно.

— Чай будешь?

— Да.

Вера налила из термоса в две разные кружки. На моей был нарисован гусь, требующий вернуть ему хлеб. Она увидела, что я читаю надпись.

— Данька подарил. У него свой взгляд на мой характер.

На спинке её стула висел мужской шарф. Пока Вера доставала коробку, я тихо отодвинул кружку с гусём от края.

Вера достала из-под кровати невысокую металлическую коробку. Внутри лежали кабель, плоский футляр и несколько бумажных конвертов. Футляр она положила на стол, но не открыла.

— Четвёртого октября, — начала она, — мне позвонили из Бюро. Сказали, в служебном кармане у Лиговского обнаружен человек без привязки. Я в тот день принимала заказчиков здесь. Приехала после полудня.

Я сел, поставив папку на колени.

— Прибор вообще не находил в тебе нашей магии, — объяснила она. — Я думала, меня зовут смотреть на неисправный датчик. А ты стоял и требовал у охраны разрешение на работы.

— У себя на объекте я всегда его требую.

— Именно это ты им и сказал.

Я вспомнил шахту. Четвёртое октября, пыльная сетка на проёме, площадка под ногами. Последний настоящий день всё ещё казался вчерашним.

— Там была стена, — сказал я. — Не в том месте. Я думал, пересчитал пролёты.

Вера кивнула.

— У нас на этом месте котельная, под ней — служебное подземелье. Ты вышел с нижней площадки, которой в тот час там вообще не должно было быть. Дежурные закрыли проход. Сначала решили, что ты спустился без допуска, поэтому тебя нет в журнале.

— Часто люди из других миров выходят с нижних площадок?

— Я лично такого раньше не видела. В институте разбирали старые случаи несовпадения местности, исчезновения групп. Обычно после них нечего спросить и некого осмотреть.

Она обхватила кружку ладонями. Я видел, как двигается большой палец по трещинке на глазури.

— Я не знаю, почему появился именно ты. И не знаю, как повторить проход обратно. Тогда тоже не знала.

— Но Бюро говорило, что знает?

— Они говорили, что обследуют место. Это я слышала. Что обещали тебе без меня, лучше искать в твоих записях.

Я хотел услышать, что дорога домой есть. Вера молча ждала следующего вопроса.

— Продолжай.

— Сначала я сняла слепок твоей памяти и навыков на матрицу. — Вера коснулась закрытого футляра. — Пластину для сравнения: каким ты был до подключения. Потом сделала

первую привязку Контура. Ты хотел разобраться с нашими приборами и вернуться в подземелье.

Я стиснул зубы.

— А Ремезова?

— Нет. Архивный пакет подключили в Бюро позже, шестого числа. В заключении он шёл под медицинским кодом. Мне предоставили только параметры совместимости. До вчерашнего вечера я не знала, чей это профиль.

— И тебя это устроило?

— Сначала — да. Имена доноров закрывают. Я проверяла реакцию твоего контура, а обучение вёл другой специалист. Тогда я не видела признаков того, что тебе подмешивают личные воспоминания.

Я поставил кружку на стол слишком сильно. Чай качнулся, оставил тёмный полумесяц у гуся на боку.

— Но это произошло.

— Произошло.

Она промокнула чай краем полотенца.

— Зачем я согласился?

— Ты хотел работать. И хотел попасть туда, откуда пришёл. Наблюдателя без навыков туда не пускали. Громов говорил, что год учить тебя не придётся, но несколько месяцев понадобится. Бюро предлагало быстрее.

Это объяснение мне не понравилось именно потому, что я мог себя в нём узнать. Несколько месяцев в чужом городе без документов, своих денег и связи с домом. Или процедура, после которой можно самому посмотреть на стену, где исчез прежний мир.

— Сколько у меня было уровней?

— Шесть. До сброса.

Я вспомнил катушку, свою дурацкую улыбку. Шесть уровней. Значит, вчера я торжественно научился тому, что уже умел.

— Не смотри так, — сказала Вера. — Ты вчера сам сделал. Я видела разницу.

— Что я умел?

— Удерживать две точки, выбирать проход по следу, пользоваться некоторыми створными приборами. Не всегда понимал, как именно это делаешь. Из-за этого мы спорили.

— А я побеждал в спорах?

— Ты однажды сказал: «Верочка, давай спокойно».

— И?

— Больше не говорил.

Я посмотрел на неё. Уголок её рта дрогнул и сразу опустился.

— Восьмого ты порезался, — сказала она. — Позвонил из лечебницы, попросил забрать, потому что твою куртку увезли со сменой. Я привезла другую. Ту, которая на тебе сейчас. Она была запасная, лежала у нас в мастерской.

Я коснулся кожаной вставки на локте. Вещь, которую вчера считал случайной чужой одеждой, кто-то выбрал, принёс и, наверное, помог надеть на свежую повязку.

— Что ещё было?

Вера перевела взгляд к окну.

— Ты поселился здесь. Временное общежитие при Бюро тебе не нравилось. Сказал, там нельзя ночью открыть дверь без отметки на посту. Зоя Марковна сдала тебе комнату до конца месяца. Девятого мы ходили покупать ботинки. Ты сорок минут выбирал, потом взял первые.

— Они хотя бы удобные?

— Ты сейчас в них.

Я опустил глаза. Она впервые за утро улыбнулась по-настоящему, и мне стало обидно, что раньше я, должно быть, видел эту улыбку чаще.

— Мы куда-нибудь ходили? — спросил я.

— Кроме магазина?

— Да.

Она поняла.

— Один раз ужинали. Внизу, за углом. Там ужасные стулья и хорошая рыба. Ты весь вечер пытался выяснить, чем здесь закончился двадцатый век.

— Романтично.

— Особенно когда ты стал рисовать границы на салфетке.

Я засмеялся. Смех дался легко, без вчерашней судороги. Вера тоже коротко рассмеялась, потом отвернулась к окну.

Я видел только её профиль.

— Прости, — сказал я.

— За что?

— Я бы сейчас тоже нарисовал. Границы.

Она посмотрела на меня и рассмеялась снова. На этот раз не отвела глаз.

Она подождала и сама вернулась к рассказу.

— Одиннадцатого пропал Даниил. Перед этим он попросил меня посмотреть на твой учебный пакет. Сказал, там странно оформлены переходы между блоками. Он обслуживал оборудование, видел часть технических журналов. Саму запись читать не мог.

— Вы работали вместе?

— Нет. Он в Бюро постоянно, я по отдельным договорам. В тот день смена у него закончилась в пять. В шесть он собирался зайти сюда. Не пришёл.

Она потянулась к мужскому шарфу, поправила свисавший конец и убрала руку.

— Я поехала к нему. Дома никого. На работе сказали, ушёл. Телефон сначала звонил, потом выключился. Ты помогал искать. Мы обошли приёмные отделения. На двенадцатое тебе назначили очередную загрузку.

— Я пошёл?

— Пошёл. Ты тогда ещё не связывал одно с другим. И мы до сих пор не знаем, что произошло с Даней. Но после этой загрузки тебе стало хуже.

Она открыла один из конвертов. Внутри лежал лист с мелкой таблицей. Несколько значений были обведены карандашом.

— Это мои измерения. Тринадцатое, вечер. Ты пришёл и сказал, что не можешь вспомнить лицо сестры. Имя помнил, что младше тебя — помнил, собаку помнил. Лицо — нет. Через час вспомнил. Испугался сильнее, чем когда оно пропало.

Я попробовал представить сестру. Она стояла в прихожей моей квартиры, держала под мышкой мокрую собаку и объясняла, что это на два дня. Лицо было отчётливым, до складки возле левого глаза.

Я выдохнул.

— На следующий день ты принёс блокнот, — продолжала Вера. — Там появились чужие схемы. Ты говорил, что садишься записать адрес, а через полчаса обнаруживаешь расчёт. Потом у тебя случился короткий провал во время разговора. Ты ответил на вопрос, который я не задавала.

— Что ответил?

— «При общей шине одного отказа хватит». Мы говорили о хлебе. Я спросила, будешь ли ты ещё.

Она ждала, не узнаю ли я фразу. Я не узнал.

— Бюро назвало это адаптацией. Велели закончить курс в стационаре. Ты спросил, можно ли остановить загрузку совсем.

— И ты предложила забыть двенадцать дней?

Вера открыла футляр.

— Другого способа я не нашла.

На серой подкладке лежал круглый ободок, расколотый в двух местах. Внутри темнела пластина. Её поверхность вспучилась маленькими пузырями, один край осыпался серебристой пылью. Пахло гарью — слабо, как от старого блока питания, который давно вынули из розетки.

Я протянул руку и остановился.

— Можно?

— За ободок. Середина крошится.

Вещь оказалась легче, чем я ожидал. На обратной стороне были процарапаны мои инициалы и дата: 04.10. Рядом — номер, совпадавший с частью кода на копии согласия.

— Моя память?

— Её слепок до подключения. По нему мы убрали то, что менял Контур.

— Здесь ещё что-нибудь осталось?

— Проверила вчера. Ничего. При сбросе слой выгорел.

Я перевернул ободок. Под подушечкой пальца хрустнула крошка.

— Значит, если опять соглашусь, второго раза не будет.

— Не будет. Новая матрица запомнит тебя сегодняшнего. Вместе с тем, что осталось от Ремезова.

Шесть уровней вдруг перестали казаться утраченной выгодой.

Я положил ободок обратно. Вера не закрыла футляр.

— Под прачечной хватало мощности для сброса, — сказала Вера. — И не было связи с Бюро. Павел достал ключ. Там всё должно было получиться тихо.

Она провела пальцем по подпалённому краю футляра.

— Если люди пришли за нами, почему вы не ушли сразу?

— Процедура уже закончилась. Ты спал. Я отсоединила пластину и стала собирать вещи, а Павел пошёл проверить выход. Потом услышали открытие соседнего шва. Там загорелся служебный свет, которого не должно было быть. Двое вошли со стороны старой лестницы.

Вера говорила чуть быстрее. Наконец рассказ перестал походить на то, что она мысленно повторяла заранее.

— Первый окликнул меня по фамилии. Сказал оставить оборудование и отойти от носителя. Я ответила, что у меня повреждённая матрица и пациент после отключения. Он велел Павлу вывести тебя к ним. Павел спросил номер распоряжения. Второй поднял ручной фиксатор.

— Оружие?

— Может удержать человека на месте, если попадёт по привязке. С этого расстояния — да. Я погасила ближний фонарь и ушла в боковой проход. Они пошли за мной: я несла футляр. Павел оставался с тобой.

— Ты знала, что там существо?

Она качнула головой.

— Я услышала его позже. Уже у лестницы. Решила, что оно вошло следом за ними. Один из охранников побежал назад. Я выбралась на поверхность и попыталась вернуться через прачечную. Дверь была завалена изнутри. Пока вызвала аварийную службу, вы вышли через обход.

— И ты сразу пошла в лечебницу?

— Нет. Сначала мне сказали, что вывели одного человека.

Она замолчала. Я смотрел на её пальцы, лежавшие на краю стола. Под коротким ногтем осталась чёрная полоска, которую она не сумела отмыть.

— С кем-то перепутали?

— Передали про одного тяжёлого. Я услышала только «одного».

Я перестал вертеть в руках кружку. Она вчера шла в лечебницу, не зная, которого из нас вывели.

Вера закрыла футляр. Щёлкнул замок.

— Ты могла забрать моё письмо и сказать, что мы были кем угодно, — произнёс я. — Что я обещал тебе всё, что тебе нужно.

Она резко подняла глаза.

— Могла.

Я не ожидал этого ответа.

— Но не сказала.

— Не сказала.

За стеной заработал пылесос. Кто-то дважды стукнул насадкой о плинтус. Комната наполнилась этим глухим бытовым гулом, и продолжать разговор торжественным тоном стало невозможно.

— Я не смогу относиться к тебе так, как тот человек, — сказал я. — По крайней мере, сейчас.

— Я понимаю.

— Нет, я не про то, что не хочу. Я не знаю, как он относился.

Вера села ровнее. Некоторое время смотрела на меня, потом взяла кружку и сделала глоток давно остывшего чая.

— Тогда узнавай сам.

Я кивнул. В груди стало чуть свободнее.

Мы помолчали. Я рассматривал банку с винтами на подоконнике, пока не заметил рядом маленькую деревянную лодку. У неё не хватало мачты; корпус был стянут резинками, под которыми сох клей.

— Твоя?

— Даниил в школе делал. Мать собралась выбросить, он привёз сюда. Сказал, у меня руки ровнее.

— Он старше тебя?

— Младше на три года. Здоровый такой… — Она показала ладонью над своей головой. — И всё равно, когда хочет чего-нибудь попросить, начинает издалека. «Вер, у тебя же есть клей».

Мне стало ясно, что сейчас она легко могла расплакаться. Вера тоже это поняла и принялась складывать конверты, хотя они и так лежали ровно.

Я подвинул футляр, освобождая ей место.

— Давай искать вместе.

Вера перестала перекладывать конверты.

— Тебе своих забот мало?

— Много. Ещё и ты всё про них знаешь. Теперь я хоть про одну твою знаю.

Она коснулась края лодки, проверяя, держит ли клей.

— Только если опять что-нибудь вспомнишь — скажи мне. Не оставляй это на потом.

— А ты не щади меня. Говори как есть.

Вера кивнула.

Она посмотрела на часы. Десять двенадцать.

Я достал схему затвора. Лист лёг между кружками, прикрыв засохший круг от чая.

— Надзор хочет маркировку и крепления. Павел может провести нас туда?

— Сам — нет. Нина поведёт обследовательскую смену. Но тебя после сброса сняли с допуска. Как наблюдатель сможешь стоять у наружного поста. К затвору с ним не подойдёшь.

— Значит, нужен новый допуск.

— Нужен. И врач. Сегодня точно никуда не полезешь.

Я посмотрел на схему. Вчера в коридоре мне не понадобились знания о происхождении полостей. Я видел, как должна двигаться железная планка, и видел, что ей мешает. Это было немного, но именно это я умел.

— Они возьмут человека с первым уровнем?

Вера провела пальцем по одному из размеров.

— На работу, где нужен первый. Ты думаешь, у всех наверху двадцатый?

— А жить я на что буду? В кармане три бумажки, на карте неизвестно что.

Она достала мой телефон, лежавший рядом с её кружкой, но не стала разблокировать. Подвинула ко мне.

— Давай посмотрим, что осталось после аванса.

Приложение расчётной службы открылось по короткому коду из блокнота. На карте было шесть тысяч восемьсот сорок рублей. Под суммой тянулся список операций: столовая, обувь, аванс за временные работы, перевод Зое Марковне. Большинства этих операций я не помнил.

За комнату до конца месяца было уплачено. За жизнь после конца месяца — нет.

— Шесть восемьсот хватит на сколько?

— Неделю протянешь. Ещё должны за смены, но с закрытым журналом быстро не получишь.

Я заблокировал экран.

— Отлично. Даже деньги у меня с провалом в памяти.

— Купюры пересчитать ты всё-таки можешь.

Я вынул их. Две тысячи, ещё две, пятьсот. На обороте одной двухтысячной кто-то шариковой ручкой написал «Лена». Почему-то это вызвало у меня больше доверия к местной валюте, чем все водяные знаки.

Вера встала, сняла с верёвки перчатки. Одна ещё была влажной; она вывернула её и повесила обратно.

— Я поеду с тобой. Но на разговор с Сиверовым он меня, скорее всего, не пустит.

— Он уже согласился со мной говорить?

— Костин написал утром. Сначала объяснение по аварии, потом руководитель хочет обсудить продолжение работы.

Я собрал бумаги. Приложение врача спрятал между двумя чистыми листами. Вера заметила отдельный документ, но не спросила.

— Если он предложит всё вернуть? — сказала она.

Я посмотрел на закрытый футляр.

— Я ведь уже один раз предпочёл от этого избавиться.

— Сейчас решать придётся тебе.

Я подождал, не добавит ли она чего-нибудь. Вера застёгивала пальто. Пришлось самому взять папку и подняться.

На лестнице мы чуть не столкнулись с Зоей Марковной. Она тащила большой свёрток бумаги, уперев его в бедро. Я взялся за край здоровой рукой.

— Не надо, — сказала она. — Вера поможет. Вы лучше дверь придержите.

Я открыл дверь и встал так, чтобы свёрток прошёл между косяками. Вера подхватила его с другого конца, повернулась боком. На секунду её плечо оказалось совсем рядом с моим лицом; от свитера пахло холодным воздухом и хлебом.

Они занесли бумагу в мастерскую. Я остался держать дверь, хотя это уже было не нужно.

Через минуту Вера вышла в пальто, на ходу заправляя шарф.

— Пойдём?

Я убрал ногу с порога и пошёл за ней.

Глава 6. Временный специалист

В холле Бюро стоял аквариум без воды. На дне лежал длинный мутный кристалл, вокруг которого медленно двигались металлические шарики. За стеклом была приклеена табличка с номером патента и годом: 1987.

Один шарик застрял у угла. Пока охранник проверял мою книжечку, он дважды дёрнулся и остался на месте.

— Экспонат сломан, — сказал я.

Охранник даже не посмотрел.

— По средам приходит человек.

Вера спрятала улыбку в шарф.

Бюро занимало длинное кирпичное здание с пристройкой из стекла. За стойкой проходной висела карта города. На ней светились маленькие точки: зелёные, жёлтые и три красных. Возле одной красной я прочёл «Обводный, прачечная».

Человек в очереди позади меня сердито переступил с ноги на ногу. Я убрал книжечку и пошёл к турникету.

На Верином удостоверении охранник задержался.

— Ланская. У вас договорный проход.

— Да.

— Только первый этаж и приёмная. На технический нужна заявка.

— Я знаю.

Он вернул карточку. Вера прошла вслед за мной, слишком старательно глядя перед собой.

— Ты раньше сюда каждый день ходила?

— Бывало чаще. Сейчас заказы другие.

Она поправила ремешок сумки и показала на лестницу. Я не стал продолжать разговор возле охранника.

Костин ждал в комнате с четырьмя столами. На его мониторе был открыт пустой бланк. Он поднялся нам навстречу, пожал мне здоровую руку и предложил сесть.

— Как самочувствие, Антон Сергеевич?

— Лучше.

— Хорошо. Вчера у вас был тяжёлый день. Давайте спокойно восстановим обстоятельства.

Я поставил папку на стол.

— Я могу рассказать начиная с момента, когда пришёл в себя. Более ранних событий не помню.

— Именно это и нужно.

Он оказался хорошим слушателем. Не перебивал, когда я подбирал слова про складочника. Уточнил, откуда шла вода, сколько раз я применял удержание и где находился Громов, когда затвор опустился. По мере рассказа бланк заполнялся короткими абзацами.

На словах о короткой тяге Костин спросил:

— Вы измеряли длину?

— Нет. Она не давала планке дойти до крайнего положения. Отверстия не совпадали.

— Возможно, деформация при обрушении.

— Возможно. Я поэтому хочу осмотреть её снова.

Он напечатал что-то и развернул монитор.

В тексте было написано: «Предположительно вследствие обрушения возникла деформация тяги».

— Этого я не говорил.

Костин посмотрел на строку.

— Рабочая версия.

— Тогда отдельно от моего объяснения.

Он помолчал, затем удалил начало предложения. Осталось: «Тяга препятствовала закрытию затвора. Причина не установлена».

Я прочёл остальной текст. Вера сидела рядом и молчала. Только когда Костин предложил подтвердить сведения об аварийном отключении, она придвинула к нему свою копию заключения.

— Процедуру описываю я. Антон о ней знает с моих слов.

— Разумеется.

Костин распечатал два листа. Я подписал оба, один забрал себе. Бумага оказалась тёплой от принтера.

Костин записал, что Контур по-прежнему предлагает восстановление, но после сброса я ни разу не принял предложение. Потом позвонил руководителю. Я придерживал свою копию объяснения: идти наверх без неё не хотелось.

Кабинет Сиверова находился на втором этаже. Веру оставили в приёмной. Она села у окна, вынула телефон; перед тем как я вошёл, подняла глаза. Я кивнул.

Начальник Бюро не сидел за столом. Стоял у раскрытой панели в стене, слушал мужчину в рабочем халате. Из панели тянулись две медные трубки, на концах у них дрожали капли воды.

— Перекрывайте весь контур, — сказал Сиверов. — По кабинетам обогреватели раздадим. Не хочу потом вскрывать паркет.

Мужчина кивнул, подхватил ящик и вышел мимо меня.

— Антон Сергеевич. Проходите. Алексей Сиверов.

Он был высокий, плотный, с короткими седыми волосами. Рубашка без галстука, рукава застёгнуты. На правой кисти — бурое пятно старого ожога. Он застёгивал манжету левой рукой. Пуговица никак не попадала в петлю; заметив мой взгляд, Сиверов просто опустил рукав.

Он показал на кресло у небольшого круглого стола.

— Чай, кофе?

— Воды.

Сиверов налил из графина. Себе тоже.

— Мне доложили, что вы вывели Громова. За это спасибо. Он трудный человек, но хороший специалист. Терять таких мы не можем.

— Он не мешал.

— Рад, что хотя бы под балкой он способен слушаться.

Сиверов улыбнулся. Шутка была нормальная, вовремя сказанная; мне не хотелось улыбаться в ответ, но я улыбнулся.

На подоконнике стояла фотография двух девочек в лыжных шапках. Одна скорчила рожицу фотографу. Сиверов заметил, куда я смотрю, и повернул рамку к себе. На стене висела большая схема под прозрачным листом с пометками.

Сиверов сел напротив.

— Что вам уже рассказали о произошедшем?

Я перечислил немногое. Перенос, первичная привязка, загрузка, потеря собственных воспоминаний, сброс.

— Формулировка «потеря» здесь не вполне точна, — сказал он. — Часть связей становилась недоступна на этапе адаптации. Это тяжёлое состояние, я не преуменьшаю. Но оно не всегда необратимо.

— Ваша служба считала его допустимым.

— По тем показателям, которые получала.

— А Вера считала, что нужно остановиться.

— Ланская видит, как вам плохо, и останавливает процедуру. Она делает свою работу. А ко мне приходят с вопросом, кем заменить Ремезова на зимнем затворе.

— Мной?

— Человеком, который сможет.

— И сохранит лицо собственной сестры в памяти.

Сиверов разгладил складку на скатерти.

— Понимаю. Поэтому я не предлагаю вам сегодня возвращаться на шестой уровень. Сначала полноценное обследование, без загрузки. Потом решение. Поэтапное восстановление с короткими остановками, с независимым наблюдателем, если пожелаете. Проживание и содержание на время курса берём на себя.

— Какого профиля?

— Инженерного.

— Михаила Ремезова?

Он поставил стакан. Не резко — просто закончил пить.

— Вы открыли паспорт записи.

— Да.

— Тогда многое станет понятнее. Михаил Андреевич участвовал в создании программы. Это его собственный учебный архив.

— Вера видела уведомление, что архив повреждён.

— Основной массив повреждён. Рабочая копия сохранилась. Уведомление рассылали пользователям внешнего доступа, оно не описывало все носители в лаборатории.

Мне уже доводилось слушать такие объяснения: у заказчика одна версия расчёта, у инженера другая, и каждый лист по отдельности выглядит убедительно.

— В учебном архиве должно быть ощущение руки за спиной?

— У вас появился эпизод?

Я пожалел, что сказал. Но скрывать всё подряд означало лишить разговор смысла.

— Короткий. Без действий.

— Такое возможно. Профессиональный навык трудно отделить от того, как человек держит инструмент, стоит, оценивает расстояние. Мы работаем над отделением.

— А мою сестру этот навык зачем стёр?

Сиверов не ответил сразу. Смотрел на меня, и впервые мне показалось, что ему действительно неприятно услышанное.

— Незачем. Это осложнение. Отказ от курса у вас принят, никто его не отменял.

Он подвинул ко мне тонкую папку. На обложке было моё имя. Внутри — предложение обследования, расписание, список врачей. Отдельным приложением шёл договор временного проживания.

— Возьмите. Прочитайте в спокойной обстановке. После вчерашнего вам нужна возможность спать, есть и не думать, чем платить за следующий приём.

В расписании был завтрак в восемь и осмотр в десять. Между ними — свободное время. Я поймал себя на том, что уже выбираю комнату: та, что на снимке, выходила окнами во двор. Ни холодных носков над батареей, ни завтрашнего спуска туда, где из стены лезут пальцы.

Я закрыл папку, оставив палец между страницами.

— А если я хочу работать без восстановления?

Сиверов откинулся в кресле.

— Придётся заново получать допуск. Ваш диплом мы не проверим, прежнее обучение вы потеряли. Что осталось — посмотрим.

— Проверяйте навыки.

— Проверим. Но вы должны понимать разницу в оплате и доступе. Инженер с рабочим профилем нужен на глубоких участках. Начинающего закрепителя туда не отправят.

Он встал и подошёл к схеме на стене. Под прозрачным листом сходились несколько толстых линий. Одна уходила к Обводному, другая — к реке. Возле центрального круга стояла дата: 26.10. Рядом мелко было написано 03:40.

— Мы сейчас не можем надолго остановить программу, — сказал Сиверов. — В городе есть участки, которые держатся на оборудовании старше нас с вами. Ремезов знал их лучше всех. Приходится искать способ сохранить его работу.

— Он умер при аварии?

— Да.

— На каком участке?

— У ворот в глубокое подземелье. Мы называем их глубинным створом. Допуска к материалам расследования у вас нет. Я не стану пересказывать их вместо комиссии.

Он вернулся к столу. Я заметил, что одна рука у него не полностью сгибается в локте. То ли старая травма, то ли привычка держать её чуть в стороне.

— Антон Сергеевич, ваше условие я услышал. Сохранять навыки ценой дальнейшего замещения воспоминаний вы не разрешаете. Это можно внести в новый договор дословно.

Я поднял на него глаза.

Стакан холодил пальцы. Сиверов ждал ответа.

— Вы читали медицинское приложение?

— Я знаком с обстоятельствами остановки курса.

— Этот пункт был в отдельном приложении.

— Вы обсуждали его со специалистами ещё до отключения. Не исключено, что сейчас вы этого не помните.

Он произнёс последние слова спокойно, без нажима. Я посмотрел на папку у себя на коленях. Врач не могла знать, кому я показывал свой бумажный экземпляр. Сиверов мог говорить правду.

Но формулировку он повторил дословно.

— Я возьму предложение, — сказал я. — Сегодня на курс не соглашаюсь. На обследование с загрузкой — тоже.

— Обследование и загрузка оформляются отдельно.

— Тогда это не должно мешать оформлению на работу.

Сиверов некоторое время смотрел на меня. Потом нажал кнопку на телефоне.

— Сергей Ильич, направьте Белова на проверку базовых навыков. Да, временный договор. Без восстановления. Медицинские ограничения учесть.

Он отпустил кнопку.

— Громов уже прислал служебную записку о вашем участии в обследовании затвора. Если подтвердите квалификацию, сможете войти в группу.

Я поднялся.

— Тягу не снимут до осмотра?

— На неё оформлено сохранение по запросу надзора. Без фиксации никто не снимет.

В дверях я оглянулся на схему. Дата оставалась видна поверх всех пометок.

Сиверов проследил мой взгляд.

— Работы много, Антон Сергеевич. Нам пригодятся люди, которые умеют держать нагрузку.

В приёмной Вера сидела на том же месте, но телефон уже убрала. Когда я вышел, она поднялась слишком быстро.

— Что?

— Дал прочитать. — Я показал новую папку. — Возьмут на временную работу, если пройду проверку. Восстановление отдельно.

Она посмотрела на дверь кабинета.

— А остальное?

— Позже. Не здесь.

Костин повёл меня на первый этаж. У лестницы пришлось разойтись с тремя рабочими, нёсшими длинный деревянный ящик. Из-под неплотно прибитой крышки шёл слабый молочный свет. Один из рабочих задевал стену рукавом и всякий раз получал замечание от остальных.

— Фазовое стекло, — пояснил Костин. — После сушки идёт на защитные вставки. В каждом втором дворе стоит наше.

Рабочий на повороте приподнял крышку. Между прокладками лежали тонкие молочные пластины. На каждой светился второй, чуть смещённый край; сколько я ни щурился, два края не сходились в один.

— Закрой, простынет, — буркнул второй.

Я проводил их взглядом. Хотелось спросить, дадут ли подержать кусочек, но Костин уже открывал дверь мастерской.

Вера осталась у договорного отдела. Дальше её не пустили; проверка навыков шла на техническом этаже. Я пошёл за Костиным один.

В учебной мастерской было шумно. На дальнем стенде два человека тянули канат, по которому скользила металлическая скоба. Над ними мигал жёлтый фонарь. У ближнего стола женщина в синем комбинезоне снимала с прибора панель.

— Нина Андреевна, ваш кандидат.

— Вижу.

Она положила отвёртку и вытерла руки тряпкой. Тёмные волосы были коротко подстрижены, на щеке белел старый тонкий шрам. На нагрудной карточке значилось: «Сотникова Н. А. Закрепитель. VII».

— Павел рассказал, — сказала она. — Покажите руку.

Я протянул правую.

— Другую. У вас привычка?

— Уже вторая за два дня.

Она посмотрела на повязку, прочла врачебную справку.

— Сегодня только учебный стол. Завтра вниз — с разрешения врача и моего. Договорились?

— Договорились.

Костин ушёл. Нина позвала молодого парня, возившегося с канатом.

— Семён, малый стол освободи. И выставь полкило.

Парень подошёл, на ходу подтягивая ремень комбинезона. Худощавый, широкоплечий, с обветренными губами. На карточке было написано «Лапин С. В. Стажёр».

— С вами вчера Павел выходил? — спросил он.

— Да.

— Он звонил. Велел проверить все обводные на маршруте. Я половину ночи…

— Семён, — сказала Нина.

— Понял. Полкило.

Семён приготовил каретку на направляющей. Привязанный к ней груз тянул вниз; под ним лежал резиновый коврик.

— Скажите, если давит, — шепнул он, пока Нина искала карточку. — Она со всеми так начинает.

Нина проверила мой резерв — шестнадцать — и попросила удержать каретку. Я положил больной локоть на полотенце, коснулся металла пальцем. Опорой выбрал винт на неподвижной площадке.

Катушка вчера весила с напёрсток, здесь на нити висело полкило. Я невольно напряг плечи. Груз замер.

— Два, — сказала Нина. — Отпускайте.

Каретка скользнула к буферу. Осталось двенадцать единиц. Я ждал, что Нина хотя бы кивнёт, но она уже взялась за ручку площадки.

— Ещё раз. Условие другое: каретка должна остаться на месте относительно пола. Стол не закреплён.

Я посмотрел на винт, который только что выбрал, затем на ножки стола. На линолеуме под ближней ножкой белела краска.

Если Нина сдвинет площадку, винт поедет вместе с ней. Вчера на катушке разница не имела значения. Здесь от неё зависел весь приём.

— Опора — отметка на полу.

Семён подвинул табурет. С него были видны и въевшаяся в линолеум краска, и каретка.

Подсказка предложила привычный поворот кисти. Я закрыл её, не дочитав. Положил палец плоско, почувствовал холод металла. Нина ждала.

— Готов.

Она сдвинула площадку в сторону. Каретка осталась над прежней точкой; направляющая прошла под ней. Нить ослабла.

— Два.

Я отпустил. Площадка вернулась на место.

«Резерв: 8 из 16».

Уши заложило, но сразу отпустило. Я вытер палец о брюки. Нина проверила прибор, затем посмотрела на моё лицо.

— Голова?

— Нормально.

— На сегодня хватит. Дальше без контура.

Она подала мне фанерную коробку, в которой были закреплены две металлические планки. Между ними висел мешочек с песком. Одна планка держалась на пружине, другая — на винте.

— Нужно заменить вот эту шайбу. Груз снимать нельзя. Один приём у вас есть. Как делаете?

Я посмотрел на шайбу под винтом. Удержать планку, выкрутить, вынуть, поставить новую. Три секунды на всё. Если рука соскользнёт, мешочек провалится.

— Шайба здесь другого размера нужна, — сказал я.

— Нужная лежит справа.

Я взял её, примерил отверстие к винту. Потом посмотрел на пружину.

— Удержание не нужно. Есть струбцина?

Нина указала на полку за моей спиной.

Я нашёл небольшую струбцину, поставил между планками распорку из обрезка и стянул. Потянул мешочек вниз, проверяя, что нагрузка перешла на распорку. Только после этого ослабил винт.

Нина молчала, пока я менял шайбу.

— А если струбцины нет?

— Возьму вашу.

Нина впервые подняла на меня глаза от карточки.

— А если и у меня нет?

— Тогда подождёт шайба. За три секунды я её не поменяю.

— Вот теперь хорошо. — Она забрала коробку. — Мне второй Громов в больнице не нужен.

Семён хмыкнул. Я посмотрел на него.

— Что?

— Я первый раз выбрал удержание. Тоже полкило было.

— И?

— Мешочек жив. Палец неделю синий.

Он показал мне большой палец, уже совершенно обычный.

— Через месяц сдаю на самостоятельную смену. Теперь отвечаю: струбцина. Даже если вопрос про верёвку.

Нина отдала ему коробку, а мне — карточку с результатами. Внизу уже стояло: «Базовое удержание подтверждено. Работа под руководством закрепителя. Самостоятельные спуски запрещены».

— Завтра смотрите железо. Если в голову полезет чужая инструкция — сразу мне.

Я вспомнил обещание Вере.

— Скажу.

— Даже если все ждут и торопят. Особенно тогда.

Нина подписала карточку.

С договором пришлось сидеть дольше, чем с учебными заданиями. За обследовательскую смену платили четыре тысячи восемьсот рублей. Если Нина прекращала работу раньше, оплата сохранялась. Снаряжение, страховку и лечение рабочих травм брало на себя Бюро.

За находки тоже полагалась доля, но завтра мы шли только на осмотр.

Костин дописал: служебные задания включают только маршрут, связь и показатели состояния. Согласия на восстановление я не давал. Пока я проверял строку, он ждал, не предлагая поторопиться.

Вера стояла у двери со своим договором.

К трём часам у меня появилась новая карточка. Фотография осталась прежней, с мокрыми волосами. Под ней теперь значилось: «Временный специалист. Обследование конструкций. Уровень I. Сопровождение обязательно».

Одно слово изменилось. Из-за него завтра я мог вернуться к затвору.

У выхода со склада Нина ждала нас возле двух комплектов снаряжения. Мне достались фонарь, защитные очки, каска с потёртым номером и пояс с короткой страховочной петлёй. Куртку выдали другую, с целым рукавом и широким манжетом, который не давил на повязку.

— Переоденетесь утром. Своё не выбрасывайте, — сказала Нина. — По вчерашней аварии могут попросить осмотр одежды.

На плане Нина показала точку сбора: прачечная, завтра в восемь тридцать. До этого — врач. Вера шла экспертом, Семён отвечал за связь и мерный трос, я — за крепление.

— По моей команде вышли все, — закончила Нина. — Даже если осталось докрутить один винтик.

На плане были отмечены два выхода. Обход, по которому я вытащил Громова, выглядел короткой ломаной линией. Я смотрел на неё и вспоминал, как долго мы там ползли.

— А складочник?

— Ушёл в соседнюю складку. По вчерашнему обходу след свежий. Поставим вибрационный контроль. Если подойдёт, работу прекращаем.

— Он проломил дверь.

— Поэтому вторую дверь проверят до нашего входа.

Нина отметила место карандашом. Я почувствовал, что невольно задержал дыхание.

— Мне нужна копия исходной схемы от одиннадцатого, — сказал я.

— Запросила. Пока не дали. Вашу копию из письма возьмём, но отметим, откуда она. На месте всё промерим заново.

Она убрала план и передала мне пластиковую пластину с номером смены.

— Приложите к браслету на левом запястье. Внутренний контур увидит задание.

Браслет был частью выданного комплекта. Семён помог застегнуть его ниже повязки. Я коснулся пластиной матового окошка.

Перед глазами появились строки.

«Источник: Бюро подземных работ.

Обследование аварийного затвора ПР-4.

Руководитель: Н. А. Сотникова.

Допуск: ожидает медицинского подтверждения».

Рабочее поручение висело перед глазами, точно на экране телефона.

Я прочёл его вслух. Нина сверила со своим прибором.

— Всё верно. Завтра за десять минут до начала отметитесь у поста. Опоздавших в полость не догоняем.

На улице было светло и ветрено. Мы с Верой остановились у ограды. Она застегнула пальто до горла и наконец спросила:

— Что ты хотел сказать после Сиверова?

Я вынул врачебное приложение. Придержал края обеими руками, чтобы не вырвало ветром, и показал ей условие внизу.

— Он повторил вот это. Слово в слово.

Вера прочла. Потом посмотрела на справку о доступе.

— Я эту страницу до сих пор не видела.

— Он сказал, я мог обсуждать это со специалистами до сброса.

— Мог. Я не была с тобой всё время.

Я записал время разговора на обороте листа. Вера сфотографировала его; я всё оглядывался на окна второго этажа.

— На обследование пойдёшь? — спросила она.

— Пока нет. Папку прочту.

Мы пошли к остановке. За оградой Бюро рабочие грузили тот самый светящийся ящик в кузов небольшого фургона. Один из них подложил под днище сложенную куртку, чтобы ящик не бился о борт. Водитель спорил с кем-то по телефону, требовал пропуск на набережную до пяти.

У меня тоже была работа на завтра. Было место, где спать, и деньги, которые можно пересчитать. Через девять дней на схеме Сиверова наступало три сорок утра, но пока я даже не знал, что именно должна означать эта отметка.

Я посмотрел на новую карточку. На снимке человек с моим лицом щурился от света и, кажется, собирался что-то сказать.

— Вера, когда мы вернёмся, дашь мне линейку?

— Дам. Зачем?

— Схему перечертить. Без тех размеров, которые я пока не проверил.

— В верхнем ящике, рядом с карандашами.

Я ещё раз посмотрел на карточку. Завтра придётся отвечать за то, что начерчу сегодня.

Глава 7. Короткая тяга

На новой схеме затвора оставалось больше пустого места, чем линий.

Я перечертил её после ужина. Сначала обозначил дверь, лестницу и щит, потом попытался поставить размеры. Получалось плохо: в памяти всё было слишком близко. Балка, под которой лежал Громов, почти касалась арки. До обхода я будто мог дотянуться рукой. Пришлось снова открыть рисунок из письма и убедиться, что между ними несколько метров.

Вера заглянула ко мне, когда я стирал третью цифру.

— Там тесно было?

— Там было страшно. Похоже, это разные размеры.

Вера положила рядом новый ремешок для фонаря: в старом Семён пропустил надрыв. Уже в дверях она обернулась.

— Я тоже боюсь. Если тебе от этого хоть немного легче.

Легче не стало. Но я перестал делать вид, что просто плохо помню размеры.

Я дописал вопросы на полях. Потом поставил будильник и лёг. Мне казалось, что уснуть не получится, но следующее, что я услышал, была трель телефона.

Утром врач сняла с ладони мешавший узел, сменила сухую повязку на предплечье и нехотя выдала разрешение. При боли я должен был выйти.

Вера забрала с подоконника мою каску, которую я чуть не оставил в кабинете.

К посту у прачечной мы пришли в восемь восемнадцать. На небе лежала низкая серая полоса, от канала тянуло холодом. Прошло всего двое суток, а я уже плохо узнавал двор. У заваленного входа поставили ограждение, на мокром кирпиче желтели свежие метки. Возле арки стоял фургон с откинутой задней дверью.

Нина пила чай из металлической кружки. Семён сидел на бампере и перебирал карабины. Увидев нас, он вскочил.

— Пряжку нашли? — спросил он у Веры.

— Нашли.

— Я потом посмотрел ведомость. Фонарь после прошлого выхода не списали. Извините.

Она показала заменённый ремешок.

— Теперь целый. Проверь соседний.

Семён тут же наклонился над вторым комплектом. Нина взяла мою справку, прочла и вложила в планшет.

— Полчаса на рабочем участке. Потом осмотр руки. По состоянию решим, возвращаетесь ли к посту. Резерв?

— Шестнадцать.

Она сверила показание своим прибором. На экране браслета строка допуска сменилась зелёной.

Громов был на связи из лечебницы. Голос выходил из маленького динамика на стенке фургона, с треском и больничными звуками на заднем плане.

— Первую дверь проверили?

— Павел, третью проверяем, — ответила Нина. — Первые две ещё до тебя построили.

— А вот это не аргумент.

Нина отвернулась от динамика и улыбнулась мне.

— Соскучился.

Спускались по обходной лестнице, той самой, по которой я вытаскивал Громова. Щит поднимут на стойках, пока мы осматриваем крепление.

Нина свернула план.

— Что делать по команде «назад», помните. Семён, покажи контроль.

Он поставил на ладонь прибор размером с коробок спичек. Под прозрачной крышкой лежала тонкая игла. Когда Семён постучал ногтем по корпусу, она качнулась.

— Два таких в коридоре. Реагируют на вибрацию кладки. Складочник цепляется за края полости, перед выходом всегда шевелит их. Здесь будет видно.

— Всегда?

Семён посмотрел на Нину.

— Если датчик стоит на том краю, по которому он идёт, — уточнила она. — Поэтому ещё смотрим глазами.

У входа в обход висела старая латунная рама. За ней начинались ступени. Мне показалось, что третья ступень сдвинулась, пока я поворачивал голову. Я остановился.

Нина проследила за взглядом.

— Видите раздвоение?

— Вижу, что лестница плохо держится на месте.

— Это наружный шов. Сейчас устойчивый. Здесь научитесь различать край, дальше будет проще.

Она показала на насечку в латунной стойке. Слева от неё тёмная полоса была чуть шире, чем справа. Я принял её за грязь, пока Нина не подвела туда белую пластину. Кончик пластины исчез на мгновение, затем появился ниже.

— Два прохода друг на друге, — сказала Нина. — Рама настоящая, от неё и смотрите. Найдите край.

Я положил пальцы на холодную латунь. Контур предложил открыть архивный пример. Я убрал запрос.

— Без него, — сказал я.

— Я вам показываю без него. Не на буквы смотрите. На насечку.

Нина провела пластину ещё раз. Я сравнил её путь с прямой кромкой рамы. Получалось так, словно часть ступеней отражалась в очень тонком стекле, поставленном поперёк прохода. Когда я пытался рассмотреть стекло, оно исчезало. Когда следил за пластиной, возвращалось.

— Видите? Просите Контур показать. Две единицы за чтение. Одной попыткой.

Я перестал искать несуществующее стекло и проследил, где пластина Нины ломается надвое. От насечки по латуни потянулась тонкая белая нить. Она обогнула угол, в котором сходились две несовпадающие лестницы. Я отнял пальцы. Нить продержалась ещё несколько секунд и погасла.

«Сопоставление границы выполнено.

Расход: 2. Резерв: 14».

— Видел, — сказал я.

— Пальцем покажите. Через край не лезьте.

Я показал. Нина кивнула.

— Вот и чтение шва. Край видите. А что за ним — пока нет. Ногами не проверять.

Семён провёл трос сквозь нижнее кольцо. Вера стояла за моим плечом, уже в рабочих перчатках. Я хотел оглянуться на неё, но лестница снова раздваивалась, и я заставил себя смотреть под ноги.

Спуск оказался короче, чем я помнил. Когда никуда не тащишь человека, ступеней становится заметно меньше.

Внизу работал переносной насос. Вода уходила по шлангу, оставляя на полу рыжие разводы. Возле закрытого щита стояли две распорные стойки и ещё один металлический экран, свежий, с непокрашенными сварными швами. Нина провела ладонью по направляющей, проверила крепление и разрешила Семёну поднять затвор.

Щит пошёл вверх со скрежетом. Из щели потянуло тёплым воздухом. Я увидел знакомый коридор и невольно сделал полшага назад.

Сломанный стул лежал за аркой. Отсюда была видна только перекладина между задними ножками. Там, где утром шестнадцатого лежал Громов, стояла заводская опора. Мои деревянные колодки вынули и сложили у стены. На одной осталась глубокая вмятина от балки.

Вера коснулась моего плеча.

— Я здесь.

Я кивнул и шагнул вслед за Ниной.

Нина первой прошла под щитом. Вбила опорный штырь в подготовленное отверстие и закрепила на нём страховку. Семён поставил один датчик возле арки, второй — у дальней стены. Потом вернулся к нам и показал на приборе две неподвижные стрелки.

— Работаем.

Тяга висела на одном болте. Нижний конец, освобождённый ломом, отвернулся от стены. Рядом торчал обломок того крепления, которое мы с Громовым сломали. Щит поддерживали стойки; деталь уже не несла нагрузки.

Я некоторое время смотрел на неё, не двигаясь. В голове ещё стоял звук удара по лому.

— Антон, — сказала Нина.

— Помню. Сейчас.

Я достал складную линейку. Вера включила камеру и поднесла к детали табличку с номером участка. Семён держал фонарь. Прежде чем коснуться металла, мы сняли крепление целиком, старые отверстия и следы вокруг новых.

Я измерил расстояние между крепёжными отверстиями тяги: четыреста четырнадцать миллиметров. Здесь требовалась деталь примерно на пять сантиметров длиннее. Короткая тяга останавливала рычаг слишком рано, и щит не доходил до пола на двадцать сантиметров. В эту щель к нам и полезла мокрая рука.

— Если её погнуло при обвале? — спросила Нина.

Я приложил ребро линейки к средней части. Между металлом и кромкой почти не было просвета.

— Кривая только у нижнего уха, где я давил ломом. Пять сантиметров от этого не пропадут.

Я показал старые отверстия. Из одного торчал высохший потёк краски. Новые просверлили рядом, не заделав старые. Под верхней шайбой сохранилась стружка, вдавленная в мягкий красочный слой.

— Перенесли крепление под другую длину, — сказал я. — Но ход не проверили. Или проверили и оставили так.

Нина присела рядом. Посмотрела вдоль тяги, затем на поднятый щит.

— Умышленно?

— Подогнать крепление под короткую деталь случайно нельзя. Зачем это сделали — по железу не скажу.

Вера сняла разницу хода на камеру. Щит оставался на стойках, а свободная планка проходила ещё пять сантиметров — ровно столько, сколько ей не хватило под нагрузкой.

В кармане пискнул прибор Семёна.

Все остановились.

Игла первого датчика качнулась и вернулась к середине. Через несколько секунд качнулась ещё раз.

— Дальний, — тихо сказал он.

Нина повернула голову к арке. Там ничего не было. Вода лежала в колеях между кирпичами, по ней шла слабая рябь от насоса.

— Дистанция?

— Пока не выйдет на ближний, не скажу.

— Собираем. Две минуты. Антон, метку сняли?

Я посветил на верхний конец тяги. Под грязью виднелась узкая алюминиевая полоска, обёрнутая вокруг крепёжного ушка. Цифры были выбиты с обратной стороны. Прочитать их, не сняв деталь, не получалось.

— Метка на ней. Один болт остался.

Нина проверила, что стойки законтрены.

— Снимаем целиком. Вера, фиксируйте. Семён, к отбойнику.

Он вытащил из сумки короткий цилиндр с плоской пятой. Поставил на пол за собой, протянул провод к пульту. Я понял назначение прибора прежде, чем он его включил: стук без человека рядом.

Вера дала мне ключ. Я взял его правой рукой, попробовал повернуть. Боль прошла через заживающую ладонь до запястья.

— Не идёт?

— Рука.

— Дайте.

Нина сняла болт сама. Я поддерживал свободный конец тяги, следя, чтобы пальцы не попали под крепление. Металл был мокрый и удивительно лёгкий для вещи, которая едва нас не убила.

«С-12 / 6431». Вера успела снять складскую метку и убрать тягу в пакет. Нина подтолкнула её к выходу.

Дальний датчик затрещал.

Тёплый воздух двинулся по коридору. В арке как будто опустили прозрачную штору: за ней стул растянулся, одна ножка стала вдвое длиннее остальных. Из кирпича вышла кисть и ухватилась за край стены.

Я узнал её сразу. Лишние пальцы, ногти без цвета. Кисть двигалась неторопливо, словно хозяин стены наконец решил посмотреть, кто мешает ему спать.

— Семён.

Отбойник застучал. Глухо, часто, с паузами. Кисть замерла, развернулась в его сторону и исчезла.

— Идём, — сказала Нина.

Вера уже была под поднятым щитом. Я последовал за ней, стараясь ставить ноги без ударов. Семён отступал последним, сматывая кабель датчиков. Одну коробочку он оставил на месте. Нина даже не посмотрела в ту сторону.

Мы прошли затвор. За спиной щёлкнул фиксатор временного экрана. Нина начала опускать его, и в этот момент насос захлебнулся.

Звук оборвался. Вода в шланге ударила назад. По лестнице сверху стекла тонкая струйка — и свернула поперёк ступени, как по невидимому жёлобу.

Вера остановилась.

— Нина. У лестницы второй край.

Третья ступень стояла чуть выше, чем должна. Между ней и четвёртой темнел не зазор, а кусок коридора. Я видел внутри белую стену и трубу. Лестница продолжалась сквозь них, но её дальняя часть казалась плоской.

Семён дёрнул трос. Из невидимого угла он вышел с неправильной стороны.

— Не тянуть! — сказала Нина.

Он отпустил.

Временный экран остановился на половине хода. Новый шов пересёк и лестницу, и его нижний край: металл застрял между двумя проходами. Нина держала рукоять подъёмного механизма. На её карточке мигнула белая точка; металл перестал дрожать.

— Вера, отметку у рамы видишь?

— Нижнюю вижу. Верхняя ушла.

— Нужно провести трос снаружи сгиба. Семён, на левую стойку. Антон, стойте, где стоите.

Он полез к стойке, прижавшись плечом к стене. Я посмотрел на пол. Под подошвой блестела вода. Возле носка моего ботинка рябь обрывалась ровной дугой.

Сверху донеслось шуршание. Не из коридора за экраном. Со стороны лестницы.

Я поднял голову и увидел между двумя ступенями длинные тонкие пальцы.

Я схватился за пояс. Лома там не было — его забрали после аварии. А я уже знал, как буду бить по пальцам, и от этого стало ещё страшнее.

— Антон! На меня.

Вера стояла на расстоянии вытянутой руки. В одной руке пакет с тягой, другая упиралась в стену. Она не пыталась меня тащить.

Я посмотрел на неё.

— Вижу, — сказал я.

— Где край?

Я перевёл взгляд на латунную стойку. Ту самую, которую выбирал опорой перед спуском. Сейчас виднелась только нижняя часть, но насечка оставалась на месте.

Попробовал сравнение. Белая нить вспыхнула на мокром полу, поднялась до третьей ступени и оборвалась.

«Резерв: 12».

— Здесь. Дальше не вижу.

— Не значит, что дальше нет, — сказала Нина. — Дистанция. Ближе к Вере, вдоль стены.

Я сделал два коротких шага. Трос под ногами шевельнулся; Семён замер на стойке, держа его конец над головой. До верхнего угла рамы теперь было меньше трёх метров.

Я повторил сравнение.

На этот раз линия замкнулась вокруг плоского куска лестницы. За ней проступала боковая грань настоящих ступеней. Пальцы цеплялись за край чужого прохода, который наложился на наш.

«Резерв: 10».

Белая линия рассекала верхнее кольцо. Трос уже уходил в чужой проход. Зато слева от стойки стена оставалась цельной — от моих ботинок до Семёновой руки.

— Верхнее кольцо сейчас внутри шва, — сказал я. — По нему нельзя. Левее, за стойку. Там та же стена, что у нас.

— Расстояние?

— До края ладонь. От стойки наружу — чисто.

Нина сверилась с прибором.

— Слышал Белова? Влево, Семён.

Он перекинул петлю. Металл звякнул, и пальцы над лестницей резко согнулись. Между ступенями показалась голова. Узкая, плоская, с темнотой вместо глаз. Шея продолжалась в сторону, где не было места для тела.

За экраном стучал отбойник. Существо дёргалось к звуку, но застряло в чужом проходе. От меня его отделяли несколько ступеней. Пальцы скребли по невидимому краю, не доставая до лестницы.

— Петля на месте, — выдохнул Семён.

— Забирай слабину. Вера, за ним.

Нина хотела закрыть страховочный зажим, но для этого нужно было отпустить рукоять. Экран под ним удерживался её приёмом; когда она повернулась, металл тихо простонал.

— Удержание есть? — спросила она меня.

— Есть.

— Рычаг подхватите. Две секунды.

Я упёр левый палец в короткую рукоять, выбрал опорой корпус лебёдки. Экран держали механизм и Нина; мне досталась лишь тугая ручка. Но если отпущу её, Нина не успеет пристегнуться.

— Держу.

«Резерв: 6».

Нина защёлкнула зажим. Я отпустил раньше, чем она сказала. Петля натянулась, и она сняла руку с рукояти.

— Наверх. Не прыгать.

Семён прошёл первым. Вера передала ему пакет, затем ухватилась за трос. Когда она пересекла третью ступень, её плечо на мгновение оказалось в двух местах. Я увидел полоску голой кожи над перчаткой и испугался за неё сильнее, чем до этого за себя.

Плечо сошлось. Вера обернулась с той стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.